

25 Května 1934.

Volné Kozáctvo

Ročník VII.

153

25-го мая 1934 г.

25-го травня 1934 р.

П Р А Г А

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 7-ой

РІК ВИДАННЯ 7-ий

Х. Тингон

СОДЕРЖАНИЕ.

1. И. К. Скубани: Молитва. (Verše).
 2. С. Чепурной: Степной сон. (Verše).
 3. Иван Назаров: Братья Каревы. (Verše).
-
4. Трагедия Казачества. (Tragedie Kozáctva).
 5. В. Богданов: Казаки-эмигранты и их задачи. (Kozáci emigranti a jejich úloha).
 6. А. Левивов: Материалы по истории Степного Похода. (Materiály k historii Stepního tažení).
 7. Иностранцы о Михаиле Шолохове. (Cizinci o M. Šolochovi).
 8. М. Канарева: Очередное и назревшее. (Časové).
 9. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
 10. И. Билый: О. Р. К. в Париже. (O. R. K. v Paříži).
 11. Несостоявшийся смотр. (Neuskutečněná přehlídka).
 12. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
 13. В Казакии. (V Kozácku).

Гонорар не платится.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.
Редакция не входит в переписку по поводу принятых к напечатанию рукописей.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Р У М Ы Н И И:

С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Bukarest V.
А. К. Бабков. M-eur Babkoff. Galatz.

В П О Л Ь Ш Е:

Ф. Сафонов. F. Safonow. Augustow.

В Б О Л Г А Р И И:

П. Н. Кудинов. Александрово.
Н. М. Егоров. Лом.
Ф. Е. Бабкин. София.
И. Д. Кузнецов. Ески-Джумая.
С. Поляков. Варна.
С. А. Гринкин. В.-Търново.
Д. Ф. Князев. Сливен.

В Г Е Р М А Н И И:

Г. А. Ковловский. Berlin.

В Б Е Л Ь Г И И:

Г. К. Рудаков. Брюссель.

В О Ф Р А Н Ц И И:

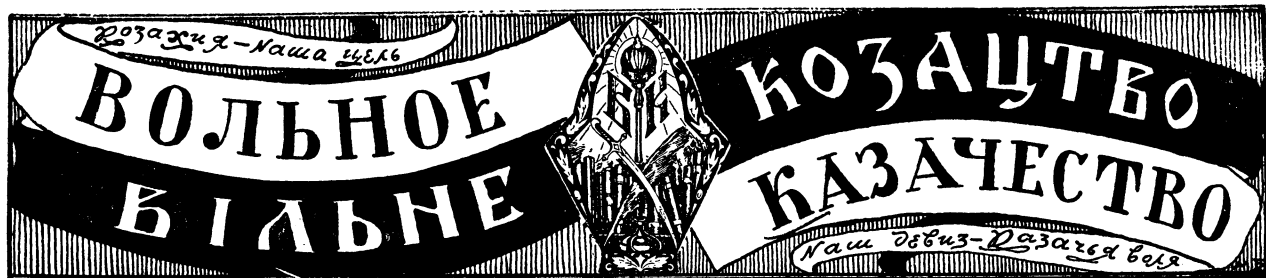
А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff. Lyon.
В. Д. Кондрашов. M-eur Kondrachoff. Colombelles.
Ив. Т. Курило. M-eur Kourilo. Toulouse.
И. Д. Попов. M-eur Popoff. Mont-Ferrand.
И. С. Орехов. M-eur Orekhoff. UGINE.
А. Г. Дронов. M-eur Dronoff. Tourcoing.
Н. П. Ивановсков. M-eur Ivanovskoff. Montargis.
В. Богданов. M-eur Bogdanoff. Lille-Fives.
Б. Лепешкин. M-eur Lepechkine. Sens.
В. Ф. Фролов. M-eur Froloff. Décines.
И. З. Зотов. M-eur Zotoff. Valence.
Я. Л. Безгласный. M-eur Besglasny. Dijon.
Д. Г. Чесноков. M-eur Tchesnokoff. Vichy.

В Ю Ж Н О Й А М Е Р И К Е:

С. С. Савицкий. S. Savytzky. Brasil.

Н А Д А Л Ь Н Е М В О С Т О К Е:

И. С. Константинов. Харбин.

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207 Tchécoslovaquie.

№ 153

Пятница, 25 мая 1934 = Пятница, 25 травня 1934.

№ 153

И. К. Скубани. (Румыния).

МОЛИТВА.

Господи, где счастье, молодые годы,
Смелые мечтанья, Край любимый мой?
Почему изгнанье, горе да невзгоды
Сердце надрывают болью и тоской?

За мои ль ошибки ждешь ты искупленья,
Душу ли казачью хочешь испытать?
О, Творец Всесильный, вилики мученья,
Силы нет томиться, плакать и страдать...

Лучше жизнь такую оборви ты сразу —
Молча, без протеста я ее отдам
И в мечте прощальной поклонюсь Кавказу,
Рекам изумрудным и седым горам...

Уж давно нескладно песня моя спета...
Отголоски стихли у родимых мест...
Впереди — могила... Чуждого поэта
Под собою скроет деревянный крест.

И перед кончиной, с верою глубокой
Я прошу, Создатель, милости Твоей:
Сжался над Кубанью милою, далекой,
Помоги ей сбросить иго палачей.

Возвеличь свободой и былою славой,
Засвети над нею яркие огни,
А туман, повисший пеленой кровавой
Над моей отчизной, ветром разгони.

С. Чепурной. (Франция).

СТЕПНОЙ СОН.

От края до края, где небо с землею
Скрывает от взора высоких гор цепь,
Убравшись весенней зеленой травой,
Раскинулась гордо красавица степь.

Ее охраняют курганы седые,
Носители тайн вековой старины.
Стоят молчаливо, как будто немые,
Стоят неподвижно, как сфинксы, они...

И думают думу... И чудится часто
То конский им топот, то лавы прибой,
И слышится клич издалека, но ясно:
„За нами, за Волю, за Край дорогой!“

Мережится им сквозь туманы седые
Орлиная стая ушедших сынов,
Вернувшихся снова в просторы родные
Избавить плененную степь от оков...

Кругом тишина. Только ветер могучий,
Не зная неволи, гуляет один
И в диком порыве безвольные тучи
По небу гоняет — он их властелин...

Он чудную песню над степью уснувшей
И сном очарованной смело поет
И с страшною силой, безмерно растущей,
Желания будит, бороться зовет,

Бороться за волю, за честь, за святыни,
За Край, пригвожденный врагами к кресту;
За тех, кто лежит в безымянных могилах
Иль сном беспробудным уснул на посту;

За тех, кто родившись в степной колыбели,
Без страха, упрека всю жизнь ей служил;
За тех, на кого цепи рабства надели!
За тех, кто главы пред врагом не склонил...

... Весна на исходе. Степные курганы
Надежду таят до грядущей весны.
Покроют опять их густые туманы,
И будут им сниться весенние сны...

Иван Назаров. (Княжевац).

Братья Каревы.

I.

Что пишу, за то я
Не ищущу признанья
И не жду я вовсе
Никаких наград.
Я хотел бы повесть
Рассказать о братьях
Казакам в чужбине,
Как родимый брат.
Эта повесть в мыслях
Каждого таится,
Эта повесть в сердце
Каждого живет,
Кто страну родную
Беззаветно любит,
Кто за край родимый
Свое сердце рвет.

В нашей степи вольной
Есть орлы, что гордо
По над самым небом
В высоте парят,
А другие низко
Меж копен ныряют,
Не расправят крыльев,
В высь не полетят...
И тогда, как громы
Над страной гремели,
И тогда не братья ль
Со врагами шли?..
И ушли другие
С горем и тоскою
За измену братьев
Из родной земли..
А теперь не время ль

Нам понять былое
И плечом друг к другу
Стать в единый строй,
Чтоб с одной любовью
И одною ратью
За родные степи
Всем пойти на бой..
Мы уж позабыли
Старые преданья,
Бросили, изжили
Свой святой завет..
Братья — против братьев..
Братья — со врагами!..
Над страной же гаснет
И последний свет...

II.

Там, на восток, в краю далеком,
Где Дон струится меж степей,
В придонском хуторе Широком
Два брата жили. Был Андрей
Старшой в семье, другого звали
Тимошей — „орликом“. А род
Вели от Каревых, в опале
Издавна бывших. Знал народ
Их предков в хуторе Артинском.
Оттоль селились под Курман.
Один был в деле Булавином,
Другой — по Войску Атаман.
Не близко в хуторе лежали
Дворы двух Каревых орлов,
Но братья родственность держали
И не бранились. Нету слов —
Не плохо жили. Куренями
Их похвалиться всякий мог.
И скот гоняли табунами,
Да и семью хранил им Бог...

III.

В тот год, когда на наши степи
Решил накинута свой аркан,
Чтоб заковать свободу в цепи,
Московский красный басурман, —
В тот год на подвиг отозвался
В защиту прав страны своей
И в партизаны записался
Одним из первых Тимофей.
А брат Андрей в те дни разлада
Все что-то медлил. Говорил,
Что „прежде всяких бранных сил
Нам мир попробовать бы надо“
И все такое... Тимофей
Его не ждет: коня седлает,
Патроны — в сумы, сухарей
И завтра с Богом выезжает...

IV.

Андрей с обычною заботой
Возился с сеном на току.

Глядит — пылит по шляху кто-то,
Стрела — не конь. На всем скаку
При пике всадник. За плечами
Винтовка. Шашка при бедре.
„В поход идут“, сверкнув глазами,
Сказал Андрей: „В такой поре
Тяжел поход... Ан кто же это?“
Но всадник, вот он... Тимофей.
„Куды летишь ты, как ракета?“
Спросил с улыбкою Андрей.
„Куды ж теперь! — Скачу в отряд.
Зовет нас Дон к чистому полю..
А ты? Слыхал ли — супостат
Решил отнять казачью волю?
Идет с боями, взял Хопер
Да стал судить по самосуду, —
Как ураган, растет террор,
И льется кровь казачья всюду“..
„Ну, что ж“, в ответ сказал Андрей:
„Нехай идет... Я знать не знаю“..
„Дак как же?“ вспыхнул Тимофей:
„А честь и долг к родному Краю
Кто ж будет несть?“ — „И так несли“,
Ответил старший, и сурово
Поверх очей его легли,
Как тучи, брови: „Нам не ново,
Что сплетни сеются о них,
Да бабы брешут... а на деле
Они богатых в черном теле
Держать умеют. А таких,
Как ты да я, они не тронут..
Напрасен вовсе этот страх“..
„А отчего пожар в степях,
И по заре их пушки стонут?“
Эх, брат, гляди — плохой расчет —
Поверить подлому рассказу!
Седлай коня ты лучше сразу
И в бой поедом. Весь народ
Встает — идут отцы и деды,
А ты про мир ведешь беседы..
С полков товарищи твои —
В дружинах все, как мне сдается.
И я вписался, и теперь

Нехай поспробує нарівнися
 Под мой удар их красный зверь!
 Я покажу ему, какою
 Ценой мы платим палачу,
 Иль череп шашкою раскрою,
 Иль в земь конем его втопчу!
 А ты?..“ И ждет он, и с тревогой
 Глядят глаза его, но брат
 Сказал запальчиво и строго:
 „Коль ты житью своему не рад,
 И голова твоя на свете
 Уж нажилась, — твои права...
 А у меня — жена и дети
 И... не пустая голова“...
 „Не сам и я в семье любимой —
 Двоих имею сыновей,
 Но долг к стране моей родимой
 Важней, чем жизнь моих детей!“
 Андрей сказал: „Словесность знаешь
 Ты хорошо, не стану крыть,
 Лишь наш обычай забываешь:
 Не младшим старшего учить“...
 Огнем зажглись глаза степного
 Орла, и крикнул Тимофей:
 „На брата... рідного... старшого!..
 Нет, ты не брат уже мне боле,
 Коль спит в груди твоей любовь
 К стране родной, к старинной воле,
 К заветам дедов и отцов,
 Коль Край родимый, наши степи
 В смертельный час готовы вы
 Сменить на подданство и цепи
 Лишь за спасенье головы...
 Гляди — знакомый с их озорством,
 Не покоряйся злой судьбе...
 Чтобы тебе... с твоим покорством
 Не быть бы первым на столбе!
 Прощай“, сказал он... Сеть за сетью
 Тянулись тучи. Он привстал
 В седле, коня „огладил“ плетью
 И в степь, как вихорь, ускакал...

V.

Лежа с женою на кровати
 Туманной ночью без светил,
 Андрей своей красотке Кате
 Такие речи говорил:
 „Ну, и чудные наши люди...
 Шальные, что ль... Ни дать, ни взять,
 Как гусаки, надули груди
 И собрались воевать...
 И Тимофей как оголтелый,
 На „сборный“ кинулся, чудак...
 Коль из полка вернулся целый,
 Дак тут погибнет навярняк“...
 „Ну, а чиво ж!“ жена сказала:
 „Лежать и ждать, чтоб мужики
 Полезли к нам под одеяла,
 А вы... глядели б, казаки?“
 „Ну, не того... а все же надо
 Сперва с людьми поговорить...
 Мы не берем их Петрограда,
 Дак значит — можно в мире жить“.
 „Запел про мир. Они с террором,

Они с огнем и грабежом,
 А вы с дурацким разговором...
 Не лучше ль встретить их парадом,
 Как говорил косой Пахом!..“
 И повернулась к мужу задом,
 А к стенке — грудью и лицом...
 Андрей трубач... И я не знаю,
 Что было дальше... Ветер рвал
 С прогонов ставни, завывая,
 Как волк в степи, волков сзывая,
 И в темноте сверчок турчал...

VI.

Мороз... На солнце снег искрится...
 Перед правлением в станице
 Донцы собираются в поход.
 Трубач трубач. Гордясь конями,
 Донцы равняются в рядах.
 Винтовки блещут за плечами
 И пики грозные в руках.
 Вот командир. Под ним играет
 И рвется в диком беге конь.
 Из под копыт его сверкает
 И брызжет по снегу огонь...
 „Здорово, братья!“ перед строем
 Он став, как вкопанный, сказал:
 „В страну наездников с разбоем
 Ворвался враг... И вот настал
 Наш час — народу и отчизне
 Отдать вскипевшие сердца,
 Не пожалеть ни разу жизни
 И долг исполнить до конца.
 Нехай враги узнают снова,
 Как и в веках, что казаки
 За честь страны все лечь готовы,
 Как встарь ложились; что полки
 И сотни наши все по полю
 Прольют до капли кровь в бою
 За Край родной, за нашу волю,
 Но не уронят честь свою.
 Вперед, орлы! В крови русацкой
 Святую месть свою зальем,
 Сразимся с удалю казацкой
 И, если нужно, все умрем!“
 И вдаль пошли. Сегодня к ночи
 Как едкой мутной пеленой,
 Не у одной молодки очи
 Зальются жгучею слезой...
 Идут... А кто из них вернется?
 Быть может, мало — знает Бог...
 Но в ком казачье сердце бьется,
 Тому и нет других дорог.
 Коль супостат раскинул цепи,
 И нагло рати их идут,
 Чтоб осквернить родные степи,
 Отнять и волю, и присуд, —
 Тогда на бой! К борьбе суровой!
 Пошады нет для красных змей!..
 Идут... В строю правофланговый
 Урядник — Карев Тимофей...
 Сгустились тучи по над Доном,
 Метель собирается в степях...
 Не все равно ль! Идут колонны
 Вперед и вдаль. С дороги враг!

VII.

Шли дни, но дни как годы длились.
 Росли расейские полки.
 Как из земли они родились.
 Неравный бой. Как тигры бились,
 Но все ж слабели казаки.
 Напрасна грозная отвага...
 В ночной, гнетущей думу, мгле —
 Неравен бой. Врагов ватага
 Не уменьшется в числе.
 Их с ружей бьют, их шашки косят,
 Их кони топчат, как траву,
 А завтра вновь их чорт наносит,
 И снова полно их во рву.
 Неравен бой... Везде по полю —
 Их без конца и счета рать...
 — Ужель не отстоять нам воли?
 Ужель прикажут отступить?
 И был приказ... В неотвратимой
 Судьбе довлеет свой закон...
 Но каждый шаг земли родимой
 Был жаркой кровью обогрен...
 Был Тимофей два раза ранен,
 И два коня под ним в бою
 Убил проклятый москвитянин,
 Но храбрость гордую свою
 Он не сдавал: ходил в атаки
 И не ложился под огнем —
 Пусть знают красные собаки,
 Что сердце огненное в нем!
 Пошли назад... Черкаской сдали
 И за Дон двинулись... И вот
 В безвестный путь, в глухие дали,
 Повел Попов... Степной Поход.

VIII.

Под Арпачин раз'езд опасный
 Был брошен — Карев Тимофей...
 Глухая ночь. Повсюду красный
 Рассеял цепь своих огней.
 Везде посты, кругом заставы.
 Их силы — численнее нас,
 Но что ж с того! Тем больше славы —
 Опасный выполнить приказ:
 Сквозь цепи их пробиться с боем
 И мост взорвать — опасный ход...
 Но тот, кто был рожден героем,
 С безумной дерзостью идет...
 Как волк, прорвался меж постами
 И мост взорвал... Но с трех сторон
 Тремя их конными сотнями
 Внезапно ночью окружен.
 Один, с одним летучим взводом,
 Как лев, он вел тяжелый бой,
 Но утром, с солнечным восходом,
 У сердца с раной пулевой
 Он пал с коня и взор орлиный
 Закрыл навеки... И один
 Лежит в степи необозримой —
 Ее боец и воли сын...
 Весь день всё вороны летали
 Над трупом... Ночью же волки
 Его на части растерзали
 И по тернам разволокли...

И нет могилы волей Бога
 Ему в земле его родной,
 Как нет ее у тысяч многих,
 С такой же пламенной душой...
 Размыто ль тело их дождями,
 Волки ли с'ели, или галь
 Их исклевала, — но веками
 О них священная печаль
 Живет в душе народа воли, —
 И без могил он знает их!
 Об их лихой казачьей доле
 Звучит молитвы беглый стих,
 О них, об их борьбе и цели
 Поэты миру знать дают,
 Вдыхает мать у колыбели,
 И песни воины поют...
 Вот почему, какою силой,
 Герои в вечности не мрут
 И не гниют, как все, в могилах...
 И без могил в веках живут.

IX.

А что же брат Андрей? — Андрея
 Судьба другая — видит Бог.
 Живот свой здорово жалея,
 Он будто с виду приметом,
 Сидел от солнца и до мрака,
 Не выходя из куреня,
 Ружье зарыл он под бараком
 И продал шашку и коня...
 А дни все шли. Все ближе стали
 Блистать зарницы по ночам,
 Все громче пушки грохотали,
 И надвигался красный хам.
 „Как быть, что делать?“ откровенно
 Андрей Катюше говорит.
 „Коль не пошел в поход военный,
 Дак надо хвост кольцом крутить“.
 „Вот это я и не умею“,
 Сказал Андрей: „Ведь дело в том,
 Что я не трус — за бой имею
 Я три Георгия, с огнем
 Знаком и в нем при краю,
 Как зверь, опасным становлюсь...
 А тут боюсь... Чего — не знаю,
 Но... хоть убей меня... боюсь“...
 „Ушел бы лучше в батарею“.
 И голос Кати жжет его.
 „Да я и сам того жалею,
 Но что же делать?“ „Ничего.
 Теперь об этом думать поздно“,
 Сказала Катя: „Говорят,
 Что наши местные хотят
 Тебя избрать в совет острожный
 И чтобы ты от казаков
 И как помощник атамана
 Встречал бы ихних „комерсана“
 И с ним — проклятых мужиков“.
 „Тому не быть!“ Андрей воскликнул:
 „Чтоб я да шел меж русаков?!“
 „Ну, если б ты об этом пикнул,
 То был бы к вечеру готов“.
 „Дак как же быть?“ „Почем я знаю?
 Иди, коль надо... Ведь уж вот

Еще дня три, — и дело к краю
Подходит: близок их приход“.

X.

Немного ждали. Утром рано
Подняли „здешние“ трезвон,
И в хутор шляхом от Курмана
Вошел советский батальон.
Какой-то жид из своры штабной
В главе на кляче гарцовал,
А хор их с песнею похабной
Как сумасшедший завывал.
Солдаты вислые, большие,
Носы тупые, как на смех,
Глаза завистливые, злые
И морды серые у всех.
Едва вошли — стрельбу открыли,
Поднявши страшный тарарам,
По галкам, чтоб смиреннее были,
По воробьям, по индюкам,
Пока в дома их разводили,
И пораздули бабы жар...
Как на саврасой на кобыле,
Явился ихний комиссар
И не успел с седла сорваться
Между конвойных с ним верзил,
Как начал фыркать и ругаться,
Крича из всех советских сил.
Но вот замолк. Глядит с презреньем:
„Что это? Ах, с приветом, верно,
Их депутация... Нескверно
Тут выпить водки, ей же ей“,
Мелькает в мыслях комиссарских...
Толпа же близится, и в ней,
Как прежде на парадах царских,
Шагает Каревых Андрей...
И кто же с ним? — По рангу рядом:
Русак МIRON, известный вор;
Ильич, сапожник с пьяным взглядом,
И коновал, глухой Егор;
Вокруг же них, битком набиты, —
Иногородняя шпана:
Портные, прачки, шерстобиты
И два цыгана-чебана, —
Всей рвани цвет, всей голи голь...
Ну, а Андрей меж них к чему же?
У них в руках и хлеб и соль,
Они в поддевах, на нему же,
При полном банте, с орденами,
В галун расшит, — его мундир,
Папаха на бок над кудрями
И на погонах лычки... Мир,
Как видно, он привел Андрея
Шагать с советом... Он идет,
Но сердце бьется, пламенеет,
И стыд горячий щеки жжет...
Пришли и стали... И собрался
Андрей при этом речь сказать,
Но комиссар не дожидался:

„Ты кто такой?“ И сразу мат.
„Мы революции огнями
Сжигаем царской власти прах,
А ты с царевыми крестами
И при погонах и чинах!
В шуты ль играть, на самом деле,
Решил с советами? О, нет,
Шутов мы вешать не жалели
И будем вешать, как кадет...
Схватить его!“ сказал он грозно.
И стало тихо, как в гробу...
„Что с ним... куда?“ — „Пока не поздно,
Повесить тут же на столбу!!!“
На хама с голыми руками
Безумный кинулся Андрей,
Но было поздно... За базами
Револьвер брошен, а нужней
Он был бы тут... Его связали
И повели... Его глаза
Со злобой молнии метали,
Но было поздно — их гроза
Уж не страшна для супостата,
Коль ты закован... Боже Мой!!
И большевицкие мальчата
В глаза смеются над тобой...

XI.

Час не прошел, как суд суровый
Был совершон на месте, тут:
С петлею на веревке новой
Андрей висел, прямой, как прут...
Мундир лихих гвардейцев старых,
В высоких новых сапогах,
Лампас на синих шароварах
И грудь в медалях и крестах...
Круги темнеют под глазами,
Угрюм лица поблекший вид...
И ветер черными косами
Его волосья шевелит...
Старик Никулин, не бояся,
На труп глядя, при всех сказал:
„Эх, и беда ж с тобою стряслася,
Коль вовсе даром ты пропал...
Теперь, небось, уж твердо знаешь,
Что крови полон ихний пир...
Висишь? Глазами не моргаешь?
И мирен? Вот тебе и мир!“
Другой же дед, Артем Игнатов,
Добавил в злобе, как в огне:
„Эх, сколько б ты побил солдатом,
Коль был бы с братом на войне!“
Два дня висел... На третий сняли —
Уж галки начали клевать...
Жене насилиу пропуск дали
Его в кладбище закопать...
И вот... хоть смерть Андрея кату
Простить не может мой народ,
Но вместо славы, как по брату,
О нем по Войску срам идет.

Трагедия Казачества.

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть II.

(Декабрь 1918 — июнь 1919).

(Продолжение).

Апрельские бои.

Большевицкое командование уже в половине марта убедилось в том, что направленный им из района Луганска на Новочеркасск — Ростов ударный кулак в составе 8-й и большей части 13-й армий не только не достиг поставленной ему цели, но в ряде упорнейших боев с казачьими войсками понес весьма серьезные поражения и потери. Как отмечено было выше, 18 марта Донские войска ворвались даже в самый г. Луганск, а в то же время Кубанцы и Терцы победоносно пошли по тылам западного фронта от Горловки до Азовского моря.

Повнесенные 9-й армией потери в февральских боях с Донцами на переправах через р. Донец и наступивший потом весенний разлив этой реки были причиной временного затишья на этом фронте в марте месяце. Когда же вода в Донце начала спадать, командование фронтом решило привлечь к участию в наступлении и 9-ю армию. 27 марта две большевицкие дивизии приступили к форсированию реки у ст. Каменской и ст. Белокалитвенской. Было направлено к переправам всего около 20-ти тысяч бойцов 9-й армии.

Кроме того, 8-я армия снова ударила на фронте Луганск — Дебальцево, а 10-я армия продолжала упорный нажим между реками Сал и Маныч. „Положение для обеих сторон достигло крайней степени напряжения“, говорит б. большевицкий командующий Егоров (цит. работа, стр. 88).

28 марта командование Донской армией обратилось к Деникину со следующей телеграммой:

„Противник форсировал Донец в районе хутора Перейбый и на участке между Гундоровской и Каменской развивает свой успех. За отсутствием резерва у Командарма Дон для ликвидации успеха противника, положение может сильно осложниться и повлечь за собой выполнение начатой уже операции в Луганском направлении. Командарм Дон просит распоряжения о безотлагательном освобождении Пластунской бригады (находилась в Ростове, см. выше) и направлении ее в район Сулин — Александрово-Грушевск“. № 2304.

В тот же день Донское командование обратилось к Деникину и со следующей телеграммой:

„8-й Донской корпус деморализован и самовольно переправляется у Раздор на правый берег Дона. 6-й корпус и Сводный корпус ослаблены до крайности. В районе Калитвенская — Репная красные наступают, противник продолжает переправляться на правый берег р. Донца. Мы не могли ликвидировать переправу красных в районе Каменская — Гундоровская.

Надо наступать в Сальском округе и уничтожить войска красных, переправившиеся через Донец. Сидорин“.

Только теперь, 28 марта, Деникин позволил взять Донскую бригаду из Ростова и направить ее в Донскую армию. Но 29 марта командующий Кавказской армией, ген. Юзефович, телеграфировал Донскому командованию, что в Ростове нечем сменить Пластунскую бригаду, оставлять же железнодорожный мост и Ростов без караулов нельзя...

Было приказано ген. Кутепову, командующему Манычским фронтом, перейти в наступление против 10-й армии. 28 марта Кутепов сообщил, что Кубанцы из района Приютного (лежит на правом берегу Маныча, близко стыка границ Дон. обл., Астраханской и Ставропольской губ.) перешли в наступление за Маныч, а „Великокняжеская группа приступит к выполнению активного плана по выяснению результатов действий Кубанцев, наступающих на север от Приютного“. Словом, ген. Кутепов не перешел в наступление в районе Великокняжеской, очевидно, ожидая, что большевики, почувствовав нажим Кубанцев на их тыл, сами начнут отступать из района Великокняжеской.

1-го апреля командующий Донской армией телеграфировал ген. Кутепову следующее:

„Генералу Кутепову, копия Мамонтову. Противник в составе конницы с артиллерией занял сегодня Богаевскую (станция Богаевская находится на левом берегу р. Дона, верстах в 20-25 к востоку от столицы Дона — Новочеркаска) и непосредственно угрожает Новочеркасску. Мамонтову приказано ликвидировать...

Крайне необходимо немедленное и энергичное наступление Ваших (ген. Кутепова) войск на Великокняжескую и в дальнейшем в долину р. Сала в район Орловки, чтобы облегчить наше положение“.

Выше приведенные документы красноречиво говорят о том, что чрезвычайно ослабленная отступлением за р. Донец Донская армия, после тяжелых февральских и мартовских боев, как на этой реке, так и в районе Луганска, снова попадала в тяжелое положение и в то же время не могла получить помощи со стороны добровольцев. Донцы принуждены были сражаться против трех красных русских армий — части 13-й, всей 9-й и части 10-й — на длинном фронте от района Луганска до района станции Великокняжеской. Своими силами донцы должны были ликвидировать новый переход 9-й армии через р. Донец, при чем они успешно справились с этой важной боевой задачей. По поводу этих боев ген. Деникин пишет следующее:

... „Но снятый с Луганского направления конный корпус полк. Калинина разбил и сбросил в реку большевиков у Каменской, и, повернув к Калитве, совместно с корпусом ген. Семилетова с таким же успехом повторил удар и здесь. Повторенные в первой половине апреля месяца попытки красных 9-й армии переправиться в низовьях Донца окончились также полной неудачей, и на этом фронте наступило затишье“ (Деникин, V, стр. 77).

3-го апреля было приказано: „группе Шкуро, ввиду блестящего окончания операции (см. выше: Казачий рейд) и обстановки на правом фланге, сосредоточиться к вечеру 5 апреля в районе Стила — Бешеве (к юго-западу от станции Иловаяская жел. дороги Таганрог — Харьков). В то же время ген. Деникин решил кубанский корпус ген. Покровского взять с фронта в Донецком бассейне и перебросить его на р. Маныч, где войска Кутепова не были в силах справиться с наступающей 10-й большевицкой армией. Донской армии было приказано своими войсками занять участок кубанского корпуса ген. Покровского, отправляемого на Маныч. 10 апреля командующий Донской армией, ген. Сидорин, просил Деникина не сменять войска Покровского донскими войсками ввиду необходимости ликвидировать прорыв у Каменской, но „главнокомандующий категорически приказал немедленно сменить ген. Покровского донскими частями“.

8-я русская армия воспользовалась некоторой заминкой на ее фронте в связи с перегруппировкой казачьих частей (уход ген. Шкуро на западный фронт, продвижение Калинина в район Каменской и Белокалитвенской, уход Покровского на Маныч и т. д.) и снова захватила фронт Дебальцево — Первомайковку. Против этой армии были пущены 12-13 апреля казачьи корпуса: ген. Шкуро в общем направлении Дебальцево — Славянск и ген. Калинина — на Луганск. 8-я армия была снова разбита казаками и в беспорядке отброшена на север.

По поводу этих боев у белых и красных русских читаем следующее:

У Деникина:

„Одновременно с переправой у Каменской, на Луганском направлении противник, воспользовавшись ослаблением там наших сил, продвинулся вперед, но переправленные туда вновь корпуса Калинина (донцы) и

Шкуро (кубанцы и терцы), совместно с другими лево-фланговыми частями Донской армии, в двадцатых числах апреля с большим уроном отбросили противника за р. Белую" (Деникин. Очерки, т. V, стр. 77).

У красных:

"На этом фронте 8-я армия была атакована ударной группой противника в составе конного корпуса Шкуро. Последний рядом последовательных ударов расшатал фронт 8-й армии и принудил ее осадить назад.

Во время этого отхода белым 22 апреля (5 мая по нов. стилю) 1919 г. удалось ворваться в г. Луганск. Гиттис пытался помочь 8-й армии ударом правого фланга 9-й армии на Звереве — Лихую... К 17 апреля противник отбил этот удар". (Гражданская война 1918-1921, т. III, стр. 235).

Таким образом, и белые и красные русские люди сходятся в оценке того, что именно казачьи полки вновь разбили 8-ю и 9-ю армии и не только не позволили им выполнить возложенную на них задачу, а отбросили эти армии в исходное положение.

Ввиду чрезвычайной важности этих боевых операций казачьих сил в Донском бассейне, мы позволим себе привести здесь некоторые документальные данные, позволяющие сделать объективную и правильную оценку прошлых событий из истории борьбы Казачества против красной России. Для полной объективности мы приведем здесь официальные суждения трех штабов: Кавказской армии, Донской и штаба Вооруженных сил Юга России.

Официальное сообщение штаба Кавказской армии от 20 апреля 1919 г. говорит:

"19 апреля, прервав железно-дор. линию Дебальцево — Кодамов (Канатово), доблестные кубанцы и терцы после ряда кровопролитнейших боев заняли: хут. Тавричаный, ст. Петровеньки, ст. Штеровку и гнали противника в направлении на Родаково до Иллирии. Особенно упорные бои были с конницей противника... Таким образом, сочетанием ударов донцов, с одной стороны, и кубанцев и терцев, с другой, противник, стремившийся нанести нам удар в разрез между Донской и Кавказской армиями, разбит и постепенно отходит на север.

В Каменноугольном районе наши части по приказу оставили город Юзово, дабы не подвергать его обстрелу со стороны противника".

Кроме признания больших побед казачьего оружия, в этом сообщении обращает на себя внимание факт оставления ген. Май-Маевским г. Юзово. Еще недавно, 26 марта, в официальном сообщении той же Кавказской армии говорилось о том, что "в связи с блестящими действиями кубанцев и терцев добровольческие части к вечеру 25 марта выдвинулись на линию станция Юзовка — селение Красная Горка, станция Мандрыкино и Доля, вновь овладев таким образом Юзовским районом" (см. выше). В первой половине апреля корпус Шкуро бросили на фронт Дебальцево — Луганск, и мы видим, что ген. Май-Маевский со своими добровольцами вновь отступил от г. Юзово, "дабы не подвергать его обстрелу со стороны противника". Чтобы вполне понять значение этого нового отхода добровольцев, надо припомнить и тот страшный разгром, который перед этим кубанцы и терцы нанесли большевикам на фронте Горловка-Азовское море, и то состояние большевистских частей этого фронта, о котором говорилось выше в связи с этим разгромом.

Официальная сводка Донской армии от 20 апреля дает следующую общую оценку мартовских и апрельских боев:

"Ряд серьезных операций на Кундрючевском, Калитвенском, Каменском и Луганском направлениях, предпринятый противником, сосредоточившим для этого громадные силы, в изобилии снабженные всеми техническими средствами, в период марта и апреля месяцев, потерпел полное поражение.

Ни сосредоточение красными громадных сил, ни изобилие технических средств, ни широкая агитация, ничего не помогло противнику, и все попытки красных прорвать наш фронт разбиты о стойкость и мужество наших доблестных войск.

Огромные потери живой силой убитыми, ранеными и пленными, потеря большого количества артиллерии и пулеметов настолько деморализовали противника, что несколько дивизий красных, принимавших участие в боях, уже отведены за вторую линию для пополнения и приведения в порядок, а одна дивизия (41-я) совершенно уничтожена и остатки ее влиты в другие части".

О том же сообщении штаба Вооруженных сил Юга России говорит следующее:

"8-я советская армия, действующая в районе к югу от Луганска и к востоку от Дебальцево и пытавшаяся в течение последнего месяца прорвать фронт на стыке Донской и Кавказской армий, нашим стремительным ударом по ее тылам разбита и отступает на север. Железнодорожные узлы Щетово, Колпаково и Штеровка заняты донцами и вся линия желез. дороги Щетово-Фашевка очищена от красных.

В частях противника полная растерянность. Донцы генерала Калинина, кубанцы и терцы ген. Шкуро, своим выходом в тыл красных решившие участь боя, соперничают в проявлении доблести... Нашими частями захвачено много пленных и пулеметов и др. добычи".

21 апреля донцы взяли г. Луганск, и "красные в беспорядке отступают в разных направлениях, стремясь укрыться за р. Донец", говорит офиц. сообщение. И 22 апреля штаб Донской армии констатирует:

"... Таким образом, операция, начатая в пятнадцатых числах апреля на этом направлении, благодаря дружной совместной работе наших войск (донцов, кубанцев и терцев) увенчалась полным успехом".

Эти победы были достигнуты над той самой 8-й армией, на которую большевистское командование возлагало такие большие надежды, и даже командующий противобукаринским фронтом, Антонов-Овсенко, как мы отметили выше, говорил, что без наступления 8-й армии победы одержать нельзя.

Что происходило в это время на фронте корпуса Май-Маевского?

В начале апреля приказом ген. Юзефовича, врем. команд. Кавказ. армией, в состав этого корпуса была включена 2-я Кубанская пластунская бригада, 15 апреля ген. Врангель вступил в командование Кавказской армией, в состав коей входили: отряд ген. Виноградова, корпус ген. Май-Маевского и корпус ген. Шкуро.

Еще перед этим, 12 апреля, всей Кавказской армии было приказано перейти в наступление. Уже 14 апреля кубанцы и терцы Шкуро прорвали у Дебальцево фронт противника и гнали части 8-й армии на север и на северо-восток. В это самое время корпус Май-Маевского начинает постепенно осаживать назад и около 20 апреля оставляет Юзовку.

В то время, как донцы, кубанцы и терцы в казачьем боевом порыве сметали перед собой полки 8-й русской армии (см. выше офиц. сообщения трех штабов), ген. Май-Маевский отступал перед полками Махна, недавно еще разбитыми кубанцами и терцами. Врангель воспользовался затруднительным положением на фронте и категорически потребовал полного подчинения себе той части Донской Земли, на которой действовала Кавказская армия. Вследствие этого 20 апреля ген. Деникин обратился к Донскому Атаману, ген. Богаевскому, со следующей телеграммой:

"Донскому Атаману. Положение Донского фронта признаю грозным. Не время спорить об автономиях. Нужна победа. Командаркав (командующему Кавказ. армии) предоставляю осуществлять свои права в пределах полевого управления войск во всех тех случаях, когда того потребует обстановка. № 05402. 20-IV-1919. Деникин."

Это было явное нарушение прав ВВД: Донская территория со всем населением передавалась в полное и бесконтрольное распоряжение ген. Врангеля. Подобный прием был применен ровно через полгода в отношении Кубани при подготовке известного ноябрьского переворота.

20 апреля ген. Врангель приказывал корпусу ген. Шкуро: "Напречь все силы и оказать поддержку донцам по овладению Родаковым, после чего действовать

в общем направлении на Алчевское-Никитовку“, значит в тыл большевицким войскам, нажимавшим на корпус Май-Маевского с севера, в общем направлении железной дор. Харьков-Никитовка-Таганрог.

24-го апреля донцы взяли Родаково, и в тот же день Врангель требует от Донского командования наступления и донцов на ту же Никитовку, в тыл большевикам, действовавшим против Май-Маевского.

25 апреля кубанцы и терцы Шкуро разгромили к югу от Родаково 100 и 105 русские полки, и в тот же день Врангель приказывает корпусу Шкуро из района Илирии повернуть круто на юго-запад и „ударить в ближайший тыл противника в общем направлении на Енакиев“ ради спасения положения корпуса Май-Маевского, усиленного уже перед этим 3-им Волжским терским полком и 2-й Кубанской пластунской бригадой. В тот же день, 25 апреля, Врангель телеграфировал Май-Маевскому:

„В случае невозможности удержать занимаемый ныне фронт, отходите, прикрываясь, на Иловайскую. Как только станет ощутительным нажим ген. Шкуро на тыл противника, тотчас переходите в энергичное наступление и восстановите прежнее положение“.

Из этих распоряжений Врангеля видно, в каком положении находился корпус Май-Маевского, и что для спасения его снова посылались казаки, так измотанные беспрерывными боями против 8-й советской армии. Необходимо помнить и то, что именно в эти дни происходило генеральное сражение казачьих дивизий с 10-й советской армией, переправившейся на левый берег реки Маныч, захватившей станцию Торговая с своими раз'ездами подходившей к Батайску, что находится против Ростова на левом берегу Дона (см. об этом далее). Положение корпуса Май-Маевского в конце апреля 1919 г. ген. Деникин характеризует так:

„Между тем, напор противника на корпус Май-Маевского в Донецком районе становился все отчаяннее. И 25-го (апреля) начальник штаба корпуса доносил штабу армии: „положение на фронте такое, что командир корпуса накануне решения об общем отходе корпуса. Ком. корпуса считает, что сохранение остатков корпуса возможно лишь в том случае, если корпус своевременно будет выведен из боя. Время наступило. Нельзя требовать от людей невозможного. Ввиду этого ком. корпуса просит директивы от армии, в каком направлении начать отход... Быть может, Марковцы восстановят положение, а Самурцы снова и снова займут свое расположение... Быть может, Корниловцы опять, в сотый раз отобьют все атаки... Быть может, противник не будет делать того, что подсказывает ему обстановка, здравый смысл и соответствие сил, и начнет митинговать и забастует, — но все это такие элементы, которые команд. корпуса, конечно, использует, но на которых он не считает возможным строить свои планы...“ (Деникин. Очерки смуты, т. V, стр. 81—82).

28 апреля Врангель приказал корпусу Шкуро нанести удар в тыл противника на Ново-Марьевку. И уже 30 апреля появилось следующее сообщение штаба Вооруженных сил Юга России:

„Молодецкие части ген. Шкуро с боя овладели селениями Н.-Орловка, Ивановское, Давид-Орловка и Иван-Орловка и преследуют бегущих красных на Енакиев. Вновь взято много пленных. Действия в связи с конницей ген. Шкуро, перешли в наступление геройские части правого фланга Май-Маевского в районе Енакиев“.

Снова, как видим, добровольцев спасают казаки.

Повторилась старая история боевого сотрудничества казаков с русскими добровольцами в Донецком Бассейне: казаки разбивают противника в конном строю, а после этого добровольцы „переходят в наступление“; казаки тоже в конном строю берут определенный пункт или даже целый район, а добровольцы после этого взятые казаками пункты „закрепляют“...

И замечательно то, что при всех этих условиях борьбы ген. Деникин осмелился глубокомысленно написать такую общую оценку Донской армии: „Донская армия тогда (в апреле 1919 г.) только и поддерживалась морально присутствием и соседством Добровольцев“ (Деникин. Очерки, т. V, стр. 79 — внизу).

22-го марта в Ростов прибыл из Салоник русский „Батальон Чести“. Гремела музыка, лились речи, и столбы газет заполнились дифирамбами русским людям. Деникин согласился теперь отпустить в Донскую армию Донскую Пластунскую бригаду из Ростова, тем более, что Донские войска именно в эти дни вели горячие бои с противником, прорвавшимся через р. Донец и угрожавшим захватом железнодорожных узлов Лихая-Зверевое. Врем. испол. обязанности командующего Кавказской армии, ген. Юзефович, не сразу выполнил распоряжение Деникина о передаче Пластунской бригады. Очевидно, это делалось для моральной поддержки донцов, ливших кровь у г. Луганска и ст. Каменской с наседавшими с севера и с востока превосходными силами русских красных полков...

Когда же Юзефович убедился в том, что все же Донская Пластунская бригада должна оставить охрану железно-дорожной линии Ростов-Иловайская, в тылу Май-Маевского, тогда ген. Юзефорич 27 марта телеграфно просил Деникина „возможно скорее прислать в Ростов два пластунских батальона из состава 2-й Кубанской бригады“, хотя в это время кубанцы и терцы уничтожали большевицкий фронт против ген. Май-Маевского... Еще 29 марта ген. Юзефович телеграфировал начальнику штаба ген. Деникина, ген. Романовскому, о том, что Донскую Пластунскую бригаду нечем сменить в Ростове. Так русские добровольцы „морально“ поддерживали донцов, но в своих руках задерживали реальные донские силы, когда у станции Репной решалась судьба Донской столицы...

Апрельские сношения штаба Донской армии со штабом Деникина просто пестрят требованиями Донского командования о возвращении в Донскую армию донских конных и пеших частей и вооружения: 11 апреля ген. Сидорин настаивает на возвращении в Донскую армию донских бронепоездов, захваченных ген. Покровским при уходе на Маныч; многократно Донское командование настаивает на возвращении в Донскую армию Донской Партизанской конной бригады и Стрелковой бригады; 24 апреля донцы требуют возвратит Калмыцкий полк, 27 апреля Деникин отвечает, что не может передать в Донскую армию Стрелковую и Партизанскую бригады; 28 апреля ген. Сидорин снова просит возвратит в Донскую армию Донскую Партизанскую бригаду в составе Калединского, Назаровского и Бакалановского полков и т. д. И все же уже в 1926 г. ген. Деникин, составляя V-й том своих „Очерков русской смуты“, написал для современников и потомков: „Донская армия тогда только и поддерживалась морально присутствием и соседством Добровольцев“... Так русские правдолюбцы описывают события, где решалась судьба Казачества...

Генеральное сражение на р. Маныче.

10-я советская армия, защищавшая г. Царицын от натиска донских полков, в декабре 1918 г. насчитывала „всего около 30.000 штыков и 8.000 сабель“ (Егоров, цит. работа, стр. 74). Согласно январским 1919 г. директивам красного командования эта армия должна была наступать двумя группами: 1-я на запад, по линии жел. дороги Царицын-Лихая, и 2-я на юго-запад, по линии жел. дороги Царицын-Великоокняжеская. С февраля эта армия наступала в общем по одному направлению — по железной дороге на Сал и Маныч.

Донское командование неоднократно и настойчиво просило ген. Деникина послать помощь Донским войскам под Царицын. Как сообщает Деникин, было решено в начале января перебросить армию с Кавказа на Царицынское направление, но этот план по неизвестным причинам осуществлен не был. Вследствие этого 10-я армия получила возможность, имея колоссальное превосходство в силах, постепенно во многих боях оттеснить шаг за шагом донские казачьи части, поддерживаемые, как мы знаем, только одним Кубанским конным полком. Кроме донцов и кубанцев, на этом фронте действовал малочисленный Астраханский корпус (согласно сообщениям штаба Донской армии ген. Деникину, № 1239, на 24 февраля в этом корпусе оставалось всего навсего около 100 штыков и 200 шашек).

25 февраля ген. Деникин назначил ген. Кутепова командующим частями, бывшими в районе Великокняжеская-Дивное. В конце февраля сюда был перевезен Сводно-гренадерский батальон. Правый фланг группы ген. Кутепова в районе селения Дивного занимал 2-й Кубанский казачий корпус под командой ген. Улагая. О состоянии группы ген. Кутепова к началу марта ген. Деникин говорит следующее: „Кроме 2-го Кубанского корпуса ген. Улагая, прочие части ее находились в стадии формирования и боевой эквивалент их был невысок“ (Деникин. Очерки, т. V, стр. 74).

Большевицкие военные писатели тоже признают, что „наиболее боеспособной частью здесь был 2-й Куб. корпус ген. Улагая“ (Егоров, цит. работа, стр. 81).

В марте в распоряжение ген. Кутепова была переведена Саратовская бригада (бывший Саратовский корпус) и Горская дивизия. Из всех разнородных частей отряда Кутепова была организована 6-я пехотная дивизия в составе Сводно-Астраханского пехотного полка, Сводно-Саратовского пех. полка, Сводно-Гренадерского пех. полка и Саратовского конного дивизиона. Общее состояние этой русской дивизии ген. Врангель характеризует следующими словами: „6-я пехотная дивизия, малочисленная и сборного состава, была мало боеспособна“ (Врангель. Записки, кн. I, стр. 134). Вследствие этого вся тяжесть боев с наступающей 10-й советской армией пала на казацкие части.

Около середины марта 10-я армия подошла к селу р. Маныч. В сообщении штаба Донской армии от 28 марта говорилось о том, что 8-й Донской корпус деморализован и самовольно переправляется у Раздор на правый берег р. Дона, а 6-й и Сводный Донские корпуса, вместе с 8-м Донским корпусом дравшиеся против правого фланга 10-й советской армии на левом берегу р. Дона, между р. Салом и р. Манычем, ослаблены до крайности.

Противник без особого труда отбросил части ген. Кутепова к р. Манычу. Вследствие весеннего половодья на р. Маныче большевицкие войска некоторое время держались здесь пассивно. „И лишь на крайнем южном фланге, в Ставропольском направлении, (советские войска) продолжали непрерывные атаки, неизменно отражаемые Кубанцами Улагая“, свидетельствует ген. Деникин (Очерки, т. V, стр. 78).

Из выше приведенных данных видим, что против 10-й армии действовало в районе р. Маныча, от устья ее до района сел Дивного и Приютного, три группы войск: на самом правом фланге был Кубанский корпус ген. Улагая, в центре группа ген. Кутепова (ввиду общей русской политики захватывать казачьи военные силы в русские руки, ген. Улагай со своим прекрасным боевым казачьим корпусом был подчинен русскому генералу Кутепову) и на левом фланге части Донской армии, подчиненные донскому командованию.

10-я армия продолжала нажимать на всем этом фронте, дабы помочь советским войскам, безуспешно ведшим атаки против казачьих полков в Донецком бассейне и на р. Донце.

Как обстояло дело на р. Маныче с частями ген. Кутепова? Выше мы уже привели характеристику, данную ген. Деникиным и ген. Врангелем русским войскам ген. Кутепова. Ген. Деникин говорит:

„Сводные части Великокняжеской группы ген. Кутепова также не проявили достаточной стойкости, и 12-14 апреля противник стал переправляться на левый берег Маныча, угрожая Владикавказской железной дороге, тылу и сообщениям Кавказской и Донской армий“ (Очерки рус. смуты, т. V, стр. 79).

Создалась чрезвычайно тяжелое и явно угрожающее всему противобольшевицкому фронту борьбы положение.

Где и какие можно было взять войска для сокрушения 30-ти тысячной, прекрасно вооруженной, обвешанной славою непобедимости, 10-й советской армии, прямо давившей уже на пути сообщения Дона и Кубани?

Сделав общий документальный обзор боевых операций за январь—апрель 1919 г. на дуге фронта, в общем, Мариуполь—Дебальцево—Луганск—р. Донец, мы установили, что планомерные, последовательные и весьма энергичные удары сильными численно и вооружением

9-й, 8-й и 13-й красных армий и группы войск „батяка Махна“ разбились о груды стальных казачьих дивизий, которые, как могучие стальные орлы, неизменно появлялись в угрожаемом районе и гнали красные вооруженные полчища, жаждущие казачьей крови и казачьего, тяжким многолетним трудом нажитого, добра. Сильные армии, успевшие уже захватить большую часть Донской Земли, не только не достигли поставленной им красными вождями цели — овладеть Новочеркасском и Ростовом, — но к концу апреля были приведены в состояние разложения и явной деморализации. В то же время, как свидетельствует ген. Врангель,

„ген. Май-Маевский ежедневно доносил о тяжелых боях своих частей... Тяжелые потери заставляли опасаться, что последние кадры нашей (Добровольческой) пехоты будут уничтожены. В то же время в тылу армии свежих пополнений не имелось... генерал Май-Маевский засыпал меня (Врангеля) телеграммами, донося о невозможности более держаться... Генерал Май-Маевский, с которым я говорил по аппарату Юза, доложил мне, что дальнейшее упорство поведет лишь к окончательной гибели кадров... 30-го (апреля) вечером я выехал в Торговую, где находился поезд Главнокомандующего... Явившись утром к Главнокомандующему, я доложил ему о положении Добровольческого корпуса. Ознакомившись с лентой разговора моего с ген. Май-Маевским по аппарату Юза, Главнокомандующий принял решение — части Добровольческого корпуса оттянуть на намеченные ген. Май-Маевским позиции. Я тут же написал и отправил последнему телеграмму (1-го мая 1919 г.)“ (Врангель. Записки, кн. I, стр. 124—133).

Мы не имеем никаких данных для того, чтобы отрицать или умалять значение правдивости слов ген. Врангеля, свидетельствующих о неоспоримо тяжелом положении вооруженных сил белой России.

Еще не так давно русские люди гремели славу вновь организуемой Крымско-Азовской Добровольческой армии, долженствовавшей „усмирить“ Украину и идти победоносным походом на Москву, а в апреле месяце „с оставлением Крыма, говорит ген. Врангель, штаб Боровского (быв. командующего Крымско-Азовской армией) был расформирован; сам же ген. Боровский получил назначение начальником Закаспийской области. Он так и не успел туда попасть, ограничив поле дальнейшей своей деятельности рестораном гостиницы „Палас“ (в Ростове на Дону)“ (Врангель. Записки, кн. I стр. 124).

Нельзя найти слов для полной и правдивой характеристики политики белых вождей: они не могли удержать небольшой район Юзовки, у них не было из чего составить даже гарнизон г. Ростова, где пребывал штаб Кавказской армии, нечем было защитить небольшой район Великокняжеской на р. Маныче, а они уже собирались управлять далекой Закаспийской областью...

Словом, Деникин не мог дать ни одного своего полка для борьбы с 10-й армией красных, уже переправлявшейся через р. Маныч. Самим казакам своими силами пришлось ликвидировать прорыв 30-ти тысячной армии!

Ввиду перехода противником р. Маныча 14 апреля, Деникин приказал принять срочные меры к организации местных казачьих ополчений из всех казаков Сальского округа Донской области и Ейского и Кавказского отделов Кубанской области. В эти ополчения вошли и седовласые старики-казаки и неопытные в боях юноши-казаки. Вооружались кто чем попало. В то же время из боевой линии в Донецком бассейне была снята 1-я Кубанская конная дивизия ген. Покровского и переброшена в район Батайска. Только теперь была переброшена с Кавказа на р. Маныч 2-я Терская казачья дивизия. Из Дагестанских гор была взята Кубанская конная дивизия ген. Шатилова (в Дагестане она находилась до сих пор для осуществления русской политики Деникина на Кавказе) и Кубанская бригада ген. Говорущенка.

Таким образом, в районе р. Маныча, от его впадения в р. Дон до района селения Дивного, на протяжении фронта более чем в 200 верст, были теперь собраны: Сводно-Донской корпус ген. Савельева, Донская Атаманская дивизия, 1-я Кубанская дивизия, 2-я Тер-

ская, 1-я конная Куб. дивизия ген. Шатилова, Кубанская бригада ген. Говорущенка, 2-й Куб. корпус ген. Улагая, отдельная Астраханская конная бригада и 6-я пехотная дивизия. „Главную массу группы составляли Кубанцы“, говорит ген. Деникин. (Очерки смуты, т. V, стр. 81).

Наше наступление началось 21 апреля и к 25 апреля, после упорнейших боев, 10-я армия была отброшена за р. Маныч (там же) и непосредственная угроза путем сообщения Дона и Кубани была ликвидирована.

С 28-го апреля было приступлено к форсированию р. Маныча. Кубанская дивизия Шатилова „дважды перешла через Маныч, доходя передовыми частями до ст. Эльмут, в тылу Великокняжеской, по пути своему разбив несколько полков противника, взяв несколько тысяч пленных“, сообщает ген. Деникин (т. V, стр. 81). Но красные ураганным орудийным огнем и контр-атаками отбрасывали наши войска на левый берег р. Маныча. О тяжести боев говорит тот факт, что „1-я Конная дивизия ген. Шатилова понесла большие потери, а Терский пластунский батальон был почти полностью уничтожен“, говорит ген. Врангель (кн. I, стр. 134).

После неудачи взять центр 10-й армии — Великокняжескую — прямыми ударами, решено было сосредоточить кулак из пяти с половиною дивизий правее Великокняжеской и ударить на нее с юго-востока (Деникин, V, 81). Одновременно с переходом в общее наступление наших войск на р. Маныче на левом фланге и в центре против 10-й советской армии, перешел в решительное наступление и наш правоефланговый 2-й Кубанский корпус ген. Улагая, состоявший из 2-й Кубанской и 3-й Кубанской конных дивизий и 3-й Кубанской пластунской бригады (Врангель. Записки, кн. I, стр. 138). (Нужно заметить, что еще перед началом общего наступления из этой группы была взята одна конная бригада и переброшена в центр фронта, так что отряд Улагая состоял из 3-х конных и одной пехотной Кубанских бригад). Кубанцы Улагая с боями прошли более 100 верст, достигнув селения Торгового на р. Сале. Об этих операциях Кубанских полков ген. Деникин говорит следующее:

„В боях у Приютного, Ремонтного и ст. Граббеваской он (Улагай) разгромил до основания всю Степную группу 10-й армии, взяв в плен шесть полков 32 стрелковой дивизии, штабы, обозы, свыше 30 орудий. Встре-

воженный выходом ген. Улагая на сообщения своей армии, товарищ Егоров (быв. командующий 10-й армией — русский офицер, окончивший императорскую русскую академию Генерального Штаба) направил от Великокняжеской наперерез ему шесть полков лучшей своей конницы Думенко. В полдень 4-го мая возле Граббеваской произошла встреча, при чем после ожесточенного боя Улагай разбил конницу Думенко, которая бросилась в беспорядке бежать назад, преследуемая Кубанцами. Один из отрядов Улагая вышел к железнодорожной линии у станции Гашун и разрушил там путь...“ (Деникин. Очерки смуты, т. V, стр. 83).

Этот колоссальный успех кубанцев группы ген. Улагая, без сомнения, предрешил исход генерального сражения на р. Маныче.

1-го мая в командование всей Манычской группой наших войск вступил ген. Врангель, командовавший перед этим, как известно, Кавказской Армией. В трехдневных весьма и весьма упорных боях под Великокняжеской и центральная группа войск 10-й армии понесла поражение и постепенно отступала к р. Сал.

В боях на р. Маныче, с 21 апреля по 7-ое мая, казаки разгромили 10-ю советскую армию и отбросили ее к р. Сал. О степени понесенного здесь красными поражения свидетельствует тот факт, что казаки захватили в этих боях 15 тысяч пленных, 55 орудий и 150 пулеметов (Врангель. Записки, кн. I, стр. 141. Деникин. Очерки рус. смуты, т. V, стр. 83). Разбитая казаками 10-я армия отходила настолько поспешно в сторону Царицына, что „наши части, как свидетельствует Врангель, с трудом поддерживали с ними соприкосновение“ (там же, стр. 143).

Теперь уже красная Россия не имела на Юге ни одной армии, которую бы основательно не били казачьи войска. И советское правительство, и Совет Оборона под председательством Ленина, и большевицкий главноком Вацетис, и командующий Южным фронтом Гиттис каких только мер не предпринимали, чтобы раздавить казачьи войска зимою и весною 1919 г., но все было напрасно: казаки переломили ужасный натиск войск красной России. Разгром 10-й русской армии, так далеко забравшейся вглубь Казачьих Земель, предрешал дальнейший ход операций по очищению Донской Земли от большевицких армий.

(Продолжение следует).

В. Богданов (Франция).

Казачи-эмигранты и их задачи.

Вольное Казачество поставило себе целью борьбу за освобождение Казачества от иностранной опеки и полное восстановление самостоятельной казачьей государственности. Но так как освобождение Казачества не может притти само собой, в виде манны небесной, то значит предстоит борьба, которая потребует полного напряжения всех сил казачества, как духовных, так и физических. Уже не мало писалось на страницах „В. К.“ о цели и задачах казачьей эмиграции в предстоящей борьбе, которая ведется пока лишь на страницах печати и пропагандой, но рано или поздно должна будет перейти в борьбу физическую.

Быть может, политическая обстановка сложится так, что казачество будет избавлено от кровавой физической борьбы, быть может, в силу мировых политических ситуаций, освобождение его завершится одними лишь политическими силами?..

Можно ли верить в возможность такого чуда? В данное время мир представляет собою такой калейдоскоп политических комбинаций, стремлений, колебаний, потрясений, сдвигов и т. д.; жизнь и политика настолько переплелись и так богаты неожиданностями и сюрпризами, — что даже самый буйный фантазер не в силах предугадать, что сулит завтрашний день...

Став в ряды бойцов за освобождение Казачества, я хотел бы изложить кое какие мои мысли относительно

наших конкретных и доступных задач. Но прежде чем начать о них говорить, я хотел бы в первую очередь сказать несколько слов о том, что такое казачья эмиграция в ее целом.

После поражения белых армий 13 лет тому назад за границу эмигрировали, главным образом, те люди, которые были прямо или косвенно связаны с „белыми“ армиями, ведшими борьбу с коммунизмом. В составе этих „белых“ армий (не принимая в счет армию украинскую) самым значительным в количественном отношении и самым активным элементом было Казачество, составлявшее 90% всех антибольшевицких сил и после 3-х летней жестокой, кровавой и героической борьбы с коммунизмом не пожелавшее отойти себя на волю победителей и с гордо поднятой головой покинувшие свои родные казачьи края и ушедшее в чужие земли... Покинув родную Землю, Казачество унесло с собою и свою политическую идею, чтобы за рубежом, вдали от страшных щупальцев московского красного спрута и в полной безопасности, реорганизовать свои силы и вновь ринуться в бой за свое правое дело.

Если незначительная часть русского народа и принимала участие в борьбе с коммунизмом в составе „белых“ армий, то эту их борьбу можно рассматривать как борьбу с коммунизмом, с марксистской доктриной. Борьба же казачества не ограничивалась только тем,

что коммунистическая доктрина была ему неприемлема. Если часть русского народа ограничивала свою борьбу только в этой плоскости, то борьба Казачества никак не могла ограничиться только лишь этим. В своей борьбе Казачество преследовало и другую цель, самую главную, самую жизненную: политическую независимость, освобождение от иностранной опеки и восстановление своей самостоятельной государственности.

За 13 лет рассеяния по чужим землям казаки-эмигранты не потеряли надежду вновь увидеть свои родные края и стойко продолжают хранить свой казачий дух и свято блюсти свои казачьи традиции, обычаи и быт. Казалось бы, что вдали от страшных пыток и козней красного зверя, в полной безопасности и повседневном спокойном труде за рубежом казачья эмиграция сможет, наконец, на основе своих общих желаний и чаяний, крепко слиться в один сплошной монолит, чтобы дружно приступить к изысканию путей к возвращению в свои родные края...

Но и за границей казачество не могло обрести покой, необходимый для продуктивной, полезной работы. В период большевической войны Казачество рассматривалось русскими политиками и командованием как элемент мало надежный. И вот русское командование взяло на себя роль „доктора“ и бесцеремонно и цинично начало „лечить“ казачество... вешанием и расстреливанием истинных казачьих патриотов, стойко и с открытым забралом отстаивавших жизненные интересы казачества, совершенно не считаясь с тем, что противобольшевицкая война велась почти всецело одним казачеством. В результате же, казачество за свою героическую, подлинно титаническую борьбу, кроме грязи, помоев и обвинений в предательстве, — ничего не получило. Здесь, за границей, в течение 13 лет, казачество по-прежнему подвергается со стороны руководителей русской эмиграции травле и обвинениям.

Казалось бы, что 13 лет — время довольно порядочное, чтобы можно было тщательно изучить совершенные ошибки и промахи в прошлом, найти причины поражения и реабилитировать ложно обвиненное и ни в чем неповинное казачество, которое отдало на алтарь борьбы все свои силы и все, что было ему дорого... Но политические руководители русской эмиграции не хотят признать себя в чем либо виновными, не хотят допустить, чтобы сделанные ими ошибки были приписаны им, а посему и стараются из всех сил свалить вину на казачество. Они не перестают твердить, что поражение белых армий произошло из за „подлого предательства“ казаков, и выливают потоки грязи и ушаты помоев на голову Казачества... Какое гнусное и подлое обвинение!

В чем же именно заключается „подлое предательство“ казаков? Как можно обвинять казаков в предательстве, если они дали 90% всех борющихся? Выходит, значит, что казаки вели титаническую борьбу и проливали потоки крови лишь для того, чтобы потом самих себя же и предать? Интересно было бы знать, кто может изъять свою добрую волю — вложить свою голову в пасть разъяренного тигра? Было бы бредом сумасшедшего заподозрить казачество в предательстве, когда оно пролило столько крови и проявило столько жертвенности и стойкости в этой неравной смертельной схватке с красным врагом. Почему же тогда столько грязи и гнусных обвинений? Не за то ли, что казаки показали, насколько морально и духовно они были выше русских?

Каждый казак-эмигрант должен ясно отдать себе отчет в том, что мы ушли за рубеж родных Казачьих Земель не только ради того, чтобы спасти свою жизнь от красного врага-победителя, затопившего потоками казачьей крови нашу землю; не только ради того, чтобы продлить свое существование. Мы, казаки-эмигранты, покинули свои родные Края не для того только, чтобы жить физически. Эту возможность мы могли бы иметь и не уходя за границу — стоило только умереть политически. Покидая наши Края, мы унесли с собой свою казачью политическую идею, за которую так долго и упорно боролись и за которую борются не на жизнь, а на смерть и по сие время оставшихся там, в родных

Краях, наши братья, истекая кровью и изнемая под ударами расстрелявшего врага, решившего полностью уничтожить казачество и память о нем стереть с лица земли...

Чужим ли мы, братья казаки, лязг сабель, предсмертный стон наших братьев казаков, умирающих в борьбе за свои вольности, за свои родные станицы и за свой родной угол? Чувствуем ли мы веяние смерти и могильного холода, нависшего над казачьими краями и всем Казачеством?!

Чужим! Чувствуем! — таков должен быть наш ответ, а иначе мы — не казаки, кровь всего казачества, — как павших на поле брани так и тех, кои замучены в подвалах от пыток и казней, — падет на нашу голову, мы будем клеймены позором на веки вечные, превратимся в странствующих „беженцев“ (но не эмигрантов) без родины и племени и будем странствовать из края в край, из одной страны в другую, до конца дней своих, не находя себе покоя...

Спасая себя, мы сохраняем нашу казачью идею и веру в то, что мы не побеждены окончательно, что силы у нас еще есть, чтобы, реорганизовав их, в недалеком будущем вновь очутиться в наших родных казачьих краях. Мы, казаки-эмигранты, — та единственная почва, на которой посеяна надежда на возрождение Казачества и его самостоятельной государственности. И эта почва не должна засохнуть. На нас лежит трудная, великая и священная обязанность. Наше физическое существование, купленное столь дорогой ценой, должно побудить нас к самой усиленной общественной и политической деятельности. К тем, кто не желает признать за собой этой священной обязанности и долга честного служения Казачеству, мы, казаки-эмигранты, должны относиться с чувством презрения и гадливости.

Каковы же суть задачи и „конкретные“ возможности, которые мы можем иметь для осуществления полезной борьбы?

Раз мы не пожелали умереть политически и ушли за рубеж родных Казачьих Земель, унеся с собою нашу политическую идею, значит мы решили продолжать начатую уже нами борьбу до конца. Это и есть самая главная наша цель. Но для того, чтобы продолжать бороться за освобождение и восстановление Казачества, нужно, чтобы все ручьи и реки, потоки и ключи всей истинно казачьей эмиграции слились в одно целое; чтобы раз навсегда казаки подчинили свои личные интересы интересам общим, отказались от чужих программ, от личных выпадов и обвинений, от желания кого-то разоблачить, кого-то „уклеить“ и кому-то „наложить“ и всецело, дружно, с чистым сердцем и верой в правоту своего дела, принялись бы за работу по освобождению и спасению Казачества. Только таким образом можно сделать нашу работу полезной и найти верный путь к достижению нашей цели, ибо только в единении сила.

Но одной цели и разговоров о ней — недостаточно. Разговорами цели достигнуть нельзя. Надо действовать! Сидеть и бездействовать в данное время мы не имеем права, это даже преступно. Мы должны употребить всю нашу энергию, напрячь все наши силы для работы не на словах, а на деле. Вовторых, надо торопиться в нашей работе, ибо надвигаются события большой важности; каждый день может принести конкретные возможности, а может быть даже и средства для скорейшего осуществления наших насущных желаний; в любой момент мировая политическая обстановка может выдвинуть казачий вопрос во всю его ширь. Работа предстоит трудная, но она выполнима, если она — во имя общего блага Казачества — будет вестись всей сознательной частью казачьей эмиграции дружно.

Касаясь нашей освободительной борьбы, приходится принять во внимание некоторые правила:

1. В борьбе все средства хороши.

2. Каждый противник, вступивший в открытый конфликт, мало того, что ищет правильный способ ведения борьбы, могущий обеспечить победу, но и старается перенять у своего же противника правила и способ

борьбы, если таковые могут быть использованы им в своих интересах.

3. „Шведы побили нас, побьют, быть может, еще, но у них же и мы научимся побеждать их“, так сказал, в свое время Петр I.

Люди учатся на сделанных ими же ошибках. Зачастую, одна страна перенимает у другой разные новшества или установления административного порядка и все то, в чем видит возможную пользу для себя. Мы, казаки, рассеянные по всему земному шару, также должны взять из виденного и пережитого нами все, что может быть нам полезным и необходимым в применении к устройству нашего будущего самостоятельного казачьего государства. В журнале „Часовой“ я прочел письмо князя Романовского, который указывает, как надо бороться, и какие „конкретные“ задачи и возможности может и должна иметь русская эмиграция, чтобы освободить от коммунизма Россию. Из этого письма мы, казаки, можем почерпнуть много полезного для нас в смысле изыскания „конкретных“ возможностей в борьбе за наше освобождение. В этом письме, как и во всей русской прессе, о казачьем вопросе нет и речи. Все же я приведу некоторые выдержки из него, представляющие интерес для казаков, выбрасывая все то, что для нас неинтересно, а также и заменяя слова или фразы, чуждые казачеству.

Прежде всего необходимо установить доступные нам задачи, раз цель у нас есть. Каковы же могут быть наши „конкретные“ или доступные нам задачи? Ответ на этот вопрос мы получим:

1. после тщательного изучения политической обстановки не только в Европе, но и в СССР, и в казачьих Краях,

2. после подсчета действительно имеющихся в нашем распоряжении сил,

3. из сводки наших предположений о сопротивлении противника, с которым мы, неизбежно, столкнемся на пути к достижению намеченной нами цели.

Такой подход к „рассуждению о борьбе“ — логичен — и научно правилен, потому что, благодаря этому методу мышления, мы сразу же обуздываем свое воображение, надежно ограждаем себя от всяких иллюзий и фантазий и находим только нужное, начинаем думать о деле строго в рамках возможных достижений; тогда мы не рискуем властью в опереточность „вампудки“, а в военных вопросах — увлечься игрой в „солдатики“. Этот способ мышления о борьбе обоснован и военной наукой, выдвигающей в своих учениях принцип „соответствия сил поставленной цели“... и мы должны им руководствоваться, признав военную науку „классической“ не только в области войны, но и любой разновидности борьбы, коль скоро определится „конфликт“ или „состояние „борьбы“ людей между собою.

Говоря о нашей цели, задачах и стремлениях в отношении московской (русской) красной опеки и освобождении от таковой наших Казачьих Земель, мы тем самым признаем состояние борьбы между Казачеством и Москвою — существующим. Более того, это состояние борьбы мы решили продлить до тех пор, пока противник не будет изгнан из наших Казачьих Земель, ибо в его изгнании мы находим единственное средство спасения и освобождения всего Казачества.

Раз мы ушли за рубеж, — ясно, что мы решили борьбу продолжать. Никакого мира с русскими большевиками зарубежное казачество не заключало. Казачество, оставшееся в родных краях, тоже никакого мира с поработителями не заключало, а также и борьбы своей и доселе не прекращает. Борьба, глухая, упорная и жестокая, продолжается. Борьба не на жизнь а на смерть. Борьба за право на жизнь и на труд, за свой родной угол.

Цель наша выявлена, намечены также и главные „конкретные“ или доступные задачи. Остается выяснить наши „конкретные“ возможности. Но прежде всего надо выяснить силы противника. Силы противника исчисляются так: сумма всех политических сил страны, армия, флот, финансы, торговля, промышленность, население и т. д.

Какие силы может противопоставить противнику Казачество?

Начнем пока с сил политических. Политические силы Казачества, конечно, слабее политических сил противника. Мы — эмигранты, и наше существование — пока вне государственное. Международное положение — пока еще не в нашу пользу, т. к. СССР еще пока в моде. Но эта мода не вечна. Политические события нашего времени настолько быстро и часто сменяются одно другим, они настолько полны всевозможных сюрпризов и идут таким быстрым темпом, что нет ничего удивительного или неожиданного в том, что завтрашние события уже могут быть непохожими на события сегодняшние, как события сегодняшние уже стали непохожими на события вчерашние. Как бы ни был СССР в моде, все же эта мода — в силу мировых политических сдвигов, — начинает уже стареть. Международное политическое положение уже теперь заметно становится не в пользу СССР.

Если политические силы Казачества пока и слабее политических сил противника, то это не может быть доказательством, что победы достигнуть нельзя. Политические силы Казачества тоже могут стать очень значительными, если они — во имя общего блага, во имя спасения и освобождения родной Земли — объединятся в одно целое.

Наши нравственные силы — значительны, потому что они составляют часть нашей природы, и корни их покоятся в тайниках нашей души, сердце, вере, мысли, воле, быте, разуме, традициях и в крепкой уверенности в правоте нашего дела. Действенная сущность наших нравственных сил определяется:

1. чувством нашей любви к Казачеству и волей к освобождению его Земель,

2. нашим сознанием необходимости за него бороться.

3. нашей волей жертвы во имя блага Казачества,

4. нашими познаниями о том, „что“ и „как“ мы обязаны защищать, борясь за освобождение Казачества.

Когда обнаруживаем мы присутствие наших нравственных сил?

1. Тогда, когда мы помним о страданиях Казачества,

2. когда мы чувствуем, что любим его,

3. когда мы за него боремся и готовы бескорыстно жертвовать собой во имя его блага.

Какие задачи доступны нашим нравственным силам?

1. Мы обязаны защищать казачью национальность и самостоятельность. Эта задача доступна всем, кто любит Казачество и его волю не только на словах, но и на деле; кто любит свои родные Края и хочет видеть Казачество освобожденным.

2. Военные обязаны беречь вековую славу Казачества, добытую нашими дедами и прадедами.

3. Мы обязаны познать идею нашего самостоятельного Казачьего государства.

Эти задачи мы решить обязаны, это наш высокий долг и священная обязанность перед нашей казачьей родиной.

Мы обязаны вернуться в родные Края казачьими. В этом и заключается цель защиты нашей казачьей национальности и самостоятельности.

Военные обязаны защищать незыбимость нашей казачьей Славы и Чести и хранить заветы наших дедов и прадедов, своими подвигами и легендарной храбростью в борьбе за Волю Казачью сумевших создать неуязвимую славу Казачеству. Став ближе к духу наших героев предков, борцов за Волю Казачью, мы острее почувствуем стремление к Воле и самостоятельности.

Расширив наши знания в области природы и существа нашего казачьего государства, мы из национально мыслящих казаков превратимся в сознательных казачьих националистов, сплоченных идеей, дисциплиной, уставом и действиями. И тогда мы будем представлять большую политическую силу. Мы должны создать эту силу и отдать ее тем, кто окажется достойным вершить дело освобождения и спасения Казачества.

Вот какие задачи ставятся нашим нравственным силам. Эти задачи нам вполне доступны, потому что мы, казаки, обладаем достаточными для этого средствами. Став на платформу чистого казачьего национализма, мы можем их постоянно увеличивать и усиливать. На наших нравственных силах мы, наконец, и построим

прочную основу силам политическим, за которыми дело не станет, коль скоро мы приобретем „лицо“, ясно поймем, что и „как“ надо делать, борясь за наше освобождение, и будем представлять собою не распыленную и неорганизованную казачью эмиграцию, а сплоченную национальную идеей политическую силу, на которую уже начнут обращать внимание и европейские правительства. Тогда могут придти к нам и силы и средства...

Если в этом направлении мы еще мало подвинулись вперед, необходимо ускорить темп работы в деле организации наших нравственных сил. Должны быть созданы настоящие кадры защитников нашей казачьей национальности, наделенные строгой иерархией, уставом и дисциплиной. Все национальное должно быть усилено, все прочее — чуждое и вредное духу казачества — должно быть устранено.

Чем скорее мы проведем эту „программу“ в жизнь, чем скорее будет собрано и организовано в одно це-

лое все единомыслящее казачество, тем скорее повысится международная ценность казачьей национальной силы и его будущего самостоятельного государства, а отсюда не замедлит усилиться в нашу сторону и внимание, и „действенное“ участие в достижении нашей цели. Вот путь, на который должна стать вся казачья эмиграция, вот о чем должен думать каждый казак, если он — казак душой, а не только по имени, и если он хочет жить в своем свободном казачьем государстве и держать на своем арчаке границы своего родного Вольного Отечества — Казакии, а не границы „Единой Неделимой“!

Тогда только вновь услышат казаки свою родную песню:

За курганом пики блещут,
Пыль клубится, кони ржут,
И повсюду будет слышно:
— Казаки домой идут!

Побеждает тот, кто умеет терпеть, хотеть и дерзать.

А. Ленивов.

Материалы по истории Степного Похода.

Отход за р. Дон.

Партизанские отряды, выведенные Походным Атаманом ген. Поповым из гор. Новочеркасска, совершив переправу через р. Аксай, открыли движение в направлении на ст. Старочеркасскую. Выступившие местные большевики провожали выстрелами ненавистных им партизан. У моста через р. Аксай была оставлена сильная конная застава партизан на случай, если бы Войсковой Атаман Назаров выехал из Новочеркасска...

Холодный ветер, дующий со стороны р. Дона мало по малу рассеивает дождевые тучи, нагоняя на смену белые, снежные. Бесконечные колонны обозных двуклоков, извозчиков саней, экипажей, заняв колею проезжей дороги, значительно усложняют движение партизанской пехоты. Заделав полы шинелей до пояса, с трудом вытягивая ноги из грязи, стройными рядами идут пешие партизаны. Проходит на рысках вперед Походный Атаман в сопровождении своего штаба.

К главным силам присоединяется и конный юнкерский отряд ес. Слюсарева, выполнивший возложенную на него задачу — задержание „Северного революционного казачьего отряда“ в ст. Кривянской до трех часов дня 12-го февраля. Походный Атаман, высказав личную благодарность ес. Слюсареву, приказывает последнему со своим отрядом выдвинуться вперед к р. Дону и произвести обследование переправ через него у ст. Старочеркаской.

Густой пеленой висит туман, постепенно ступшевется, а потом и исчезает четкий силуэт Войскового собора...

Надлежит отметить, что на переправе через р. Аксай на летучем совещании начальников партизанских отрядов было решено не пропускать к переправе через Дон частных лиц, вышедших из Новочеркасска и не принадлежащих к составу партизанских отрядов, дабы избежать дезорганизации, которую мог внести подобный элемент в ряды партизанских отрядов. Решение это не было, однако, проведено в жизнь, и в ст. Старочеркаской было разрешено частным лицам переправляться через р. Дон, т. к. считалось, что они должны вступить в дальнейшем в ряды партизанских отрядов.

Почему, заняв Новочеркасс, большевики не преследовали отходящие Донские партизанские отряды, не имевшиестройной системы организации в означенный момент? Вероятно, по тому, что соединенные отряды большевиков под командой Ю. Саблина, занявшие Новочеркасс, могли бы выделить для преследования партизан всего лишь конные части, каковыми и являлись полки Н. Голубова („Северный революционный казачий отряд“). Остальные части большевиков, приобретшие известный навык в ведении т. н. „железнодорожной войны“, не имели реального представления о полевом характере боевых действий. Но Голубов и его

„красные казаки“, которые хотели пожинать лавры своей победы в Новочеркасске, не имели большого желания преследовать партизан. Кроме того, большевистские верхи не совсем доверяли „красным казакам“, и, как потом оказалось, не без основания. Об этом недоверии говорится в следующей записи:

„Как гром с неба, свалилось на меня приказание Антонова (Овсенко) отправиться в качестве представителя советских войск в штаб казачьего северного отряда. Главная моя задача — следить за поведением и настроением казаков, предостеречь возможную измену и выступление против нас (т. е. большевиков), и если таковая будет назревать и воспрепятствовать окажется невозможным, то хотя бы сообщить нашим войскам“ (Пугачевский. „За власть советов“, стр. 401).

Сверх того, у большевиков не было уверенности в том, что они могут добить партизан, с боевой сопротивляемостью коих они познакомились в боях на подходах к гор. Новочеркаску и в районе Новочеркасского вокзала.

Поздним вечером 12-го февраля партизанские отряды втянулись в ст. Старочеркасскую, древнюю столицу Донского Казачества. Размеренными ударами колокола отбивает звонница старинного собора девять часов. Повсюду открываются с шумом двери казачьих куреней, испуганно выглядывают местные старожилы, надрываясь от злости хрипло лают станичные собаки... Рысью несутся обозные повозки, громыхая идет артиллерия, подбирает шаг уставшая партизанская пехота...

Невзирая на поздний час, на соборной площади сгрудились голпы казаков. В сумрачном молчании последних чувствуется враждебность, скрытая злоба... Ст. Старочеркасская держит „нейтралитет“...

Вытаскивается сено с базов прямо на улицы, и под открытым небом устраиваются на ночлег запоздавшие партизаны. Спустился час все спит мертвым сном в станице, и лишь на соборной площади, где размещены батареи, коновязи и обозы, наблюдается оживление: дежурные партизаны замыкают, зачищают грязных с дороги лошадей...

Для партизанских сторожевых застав, расположенных вокруг станицы, ночь протекает тревожно. У хут. Краснодарского, расположенного в двух верстах от ст. Старочеркаской, рыщут конные разьезды „красных казаков“, время от времени завязывается оживленная перестрелка. В три часа ночи — боевая тревога в направлении на ст. Аксайскую. Слышится сильная пулеметная и ружейная стрельба. Спустился некоторый промежуток времени обстановка выясняется: становится известным, что казаки ст. Аксайской напали на отходящих в ст. Старочеркасскую партизан Новочеркасской боевой дружины войск ст. Ленивова, которые не остались в долгу и начали отбиваться.

На рассвете в ст. Старочеркасскую прибыл конный юнкерский отряд ес. Слюсарева, выяснивший, что, несмотря на начавшуюся оттепель, крепость льда еще вполне достаточна, и переправа через Дон возможна.

В ст. Старочеркасской всю ночь происходило совещание начальников партизанских отрядов для решения вопроса о дальнейшем движении. Утром 13-го февраля Походный Атаман ген. Попов, совместно с начальником штаба полк. Сидориным, выехал в ст. Ольгинскую на совещание с командным составом добровольцев.*) В конечном итоге, предложение Походного Атамана о совместном движении партизан и добровольцев в коннозаводческий район Сальского округа было принято ген. Корниловым, но, как оказалось в действительности, всего лишь на бумаге!

К полудню 13 февраля в штабе Походного Атамана было получено донесение от ес. Слюсарева, ушедшего со своим конным юнкерским отрядом к ст. Манычской для наблюдения за переправами через Дон, которыми мог бы воспользоваться Голубов со своими „красными казаками“, для преследования партизанских отрядов. Юнкерский отряд, войдя в ст. Манычскую, установил, что прибывший ранее в станицу военно-инженерный отряд подвергся нападению со стороны станичных казаков. По прибытии юнкерского отряда ес. Слюсарева воинственное настроение казаков сильно понизилось. Все партизаны, сидевшие в станицной кардегарии, были освобождены, и военно-инженерный отряд получил возможность беспрепятственно выйти из станицы на присоединение к Походному Атаману.

К 8 часам утра 13 февраля партизанские отряды сосредотачиваются на берегу Дона.

Широко раскинулся Дон у ст. Старочеркасской... Стоят соломённые вежи, указывающие путь через лед, уже сильно тронутый наступившей оттепелью. Переправа партизанских отрядов производилась одновременно в трех местах, причем главной являлась переправа, где проходила артиллерия и обозы. Как пехота, так и конница — совершали переправу в одиночку, соблюдая известные интервалы. Обозные подводки пускались по очереди и обязательно рысью. Совсем плохо обстояло дело с переправой орудий, хотя передки и орудия переправлялись в отдельности. Первое орудие тянет десять пар быков. Все обстоит более или менее благополучно до половины пути, когда раздается сильный треск, вырывается фонтан воды, и колеса увязают в размякший лед. После долгих усилий и пригонки всевозможных приспособлений орудие благополучно переправляется на противоположный берег. Остальные орудия были переправлены на камышевых подстилках волоком. К часу дня переправа была закончена, и партизаны двинулись походом в хут. Арпачин (Манычской ст.), покинув неприветливую „нейтральную“ ст. Старочеркасскую с ее причудливыми домами, стоящими на сваях...

Движение партизанских отрядов из ст. Старочеркасской в хут. Арпачин носит уже вполне организованный характер. Переход — большой и дается партизанам с большим трудом, ибо стоит большой мороз.

В пути становится известным, что в хут. Арпачине предстоит дневка, и Походный Атаман произведет смотр партизанским отрядам, вышедшим с ним из Новочеркасска. Отряды идут быстрым маршем, стремясь скорее оторваться от р. Дона. Утром 14 февраля Голубов с „красными казаками“ появился в ст. Старочеркасской, но лед тронулся, и „красные казаки“ принуждены были возвратиться в Новочеркассск.

С наступлением сумерок партизанские отряды вступают в хут. Арпачин. Как и в ст. Старочеркасской, партизан встречает толпа казаков, среди коих заметно наличие большого числа пьяных. В условиях отчаянной скученности, партизаны с большим трудом располагаются на ночлег.

Поздним вечером происходит совещание начальников партизанских отрядов, на котором Походный Атаман делает подробный доклад о поездке в ст. Ольгин-

скую к ген. Корнилову. Партизанские начальники в подавляющем своем большинстве одобряют действия Походного Атамана, который высказывает уверенность, что „угар большевизма, одурманивший казаков, пройдет, и с наступлением весны все казаки поголовно поднимутся против советской власти“. Как известно, утверждение Походного Атамана претворилось в грозную для большевиков действительность... через самый непродолжительный период времени!

На совещании определяется маршрут следующего дня, именно: движение на хут. Веселый (Богаевской ст.), где решено было отдать приказ о задачах и целях партизанской группы Походного Атамана, а также произвести ее реорганизацию.

Юнкерский раз'езд (под'есаул В. М. Макаров), посланный ес. Слюсаревым 14 февраля из ст. Манычской в ст. Богаевскую, подвергся вооруженному нападению со стороны Богаевских казаков. С большим трудом удалось юнкерам отбиться от большевистствующих казаков и под сильным ружейным и пулеметным огнем отойти в степь. В одном из маленьких хуторков, расположенных в непосредственной близости от ст. Богаевской, юнкерский раз'езд задержался на целые сутки для выяснения дальнейших намерений казаков. Вечером 15-го февраля на переходе от хут. Арпачина к Веселому раз'езд присоединился к главным силам.

Утром 14 февраля в хут. Арпачине начались приготовления к предстоящему смотру Походным Атаманом партизанских отрядов. К 11½ часам дня все отряды были выстроены на церковной площади, образуя правильный четырехугольник. За церковной оградой расположились хуторские казаки, которые старались доказать всем своим поведением презрительное отношение к партизанам.

Медленным шагом обходит фронт выстроившихся партизанских отрядов, прибывший на церковную площадь Походный Атаман, стройным хором звучат ответные приветствия партизан. Походный Атаман говорит, обращаясь к партизанам, что ближайшей целью движения партизанских отрядов является ст. Константиновская. Говорит Походный Атаман и о том, что в круговой спайке лежит залог успеха дальнейшей борьбы. Побеждает тот, кто верит. Партизаны должны отбросить в сторону различные сомнения и руководствоваться лишь одним принципом: все за одного, один за всех... Речь и манера держаться укрепляют веру партизан в Походного Атамана. Смотри заканчивается прохождение партизан церемониальным маршем перед Походным Атаманом и его штабом.

Дневка в хут. Арпачине была использована для реорганизации партизанских отрядов. Взамен мелких соединений составлялись более крупные формирования, составлялись списки партизан, производился учет боевых и продовольственных припасов, создавался интендантский обоз, организовывался походный лазарет, устанавливалась денежная наличность отдельных партизанских отрядов, происходила коренная реорганизация обоза, сани заменялись повозками, быки лошадьми и т. д.

В хут. Арпачине отрывается от партизанской группы вышедшая из подчинения Походному Атаману боевая дружина казаков ст. Константиновской (180 чел.), составленная исключительно из „фронтвиков“, и уходит домой, в ст. Константиновскую.

За ночь выпал снег. Движение возможно было лишь по проезжей дороге. Пронизывающий ветер и сильнейший мороз весьма усложнили шестидесятиверстный марш партизанских отрядов из хут. Арпачина в хут. Веселый. Часть отрядов располагается на ночлег в хут. Малая Западенка, лежащем в глухой степи; главные силы продолжают движение к хут. Веселому.

Ночной поход. Ветер, и без того резкий, еще более усиливается, полшубки партизан совершенно замерзли от сильного мороза. Далеко в степи мерцают огни маленькой степной заимки Сахарова — ряд глинобитных строений, в коих уютятся чабаны с отарами овец. Из глиняных труб чабанских мазанок-хат вырываются каскады искр — жгут солому, обычное топливо в степи. На расчищенном от снега пространстве перед заимкой трещат разложенные костры, кругом на соломе спят тяжелым сном партизаны, из-за их спия выглядят

*) См. статью автора „Взаимоотношения Походного Атамана и Командования Добровольческой армии“, „В. К.“ № 124.

лошади и тянутся к кострам, пережевывая сено. Из пик, вбитых в замерзшую землю, составлены треноги, на которые подвешиваются чабанские котлы; жарится сало, шипит ячница, в руках мелькают бутылки с самогонной водкой... Краткие сборы, дальнейшее движение вперед, у костров располагаются вновь прибывшие партизаны...

Рассвет. Проступают в утреннем тумане неясные очертания какого-то большого хутора. Отряды переходят по гати через маленькую речку. Хут. Веселый. Население хутора — богатые хохлы, выходящие из Таврической губернии, „тавричане“. Незвизрая на свою зажиточность, жители — сплошь большевики. Хут. Веселый — один из очагов большевизма в Задонской степи. Неудивительно поэтому и отношение хуторского населения к прибывшим партизанам, отношение весьма враждебное и отнюдь не скрываемое. Несмотря на предлагаемые деньги, жители категорически отказываются что либо продавать партизанам.

На военном совещании в ст. Ольгинской 13 февраля ген. Корнилов, приняв предложение Походного Атамана о совместном движении партизан и добровольцев в коннозаводческий район Сальского округа, разработал с Походным Атаманом и план ближайших боевых действий. В частности было решено, что Донские партизанские отряды должны занять ст. Великокняжескую, а добровольцы — нанести удар по ст. Торговой. В силу указанного Походный Атаман и устроил трехдневную остановку своих отрядов в хут. Веселом, чтобы дать отдых партизанам перед предстоящими боями и завершить реорганизацию партизанских отрядов.

16 февраля Походный Атаман отдал приказ, в котором определил цели и задачи Донских партизанских отрядов, установив за ними общее наименование „Отряды Вольных Донских казаков“. 17-го февраля была закончена реорганизация отрядов. Общая численность Отряда Вольных Донских казаков определилась в 2100 чел. при 5 орудиях и 59 пулеметах.*)

Вечером 17 февраля в хут. Веселый прибывают отставшие партизаны, прорвавшиеся из Новочеркасска в момент, когда в него уже вступали „красные казаки“, от которых при бегстве пришлось отстреливаться. Рассказ о занятии Новочеркасска большевиками производит большое впечатление на партизан.

Поздним вечером 18 февраля передовые партизанские части начали движение из хут. Веселого к границе Сальского округа. Ночь с 18 на 19 февраля протекала весьма тревожно для находившихся в хут. Веселом партизанских отрядов, — все время были ложные тревоги. Перед самым рассветом была уже действительная боевая тревога, ибо на партизанские сторожевые заставы напали местные большевики в количестве до 150 чел. В результате завязавшегося столкновения большевики были легко отбиты и отошли к Балабинским хуторам, потеряв несколько человек убитыми и ранеными.

Утром 19 февраля главные силы Отряда Вольных Донских казаков оставили негостеприимный хут. Веселый и к полудню подошли к хуторам Хомутец и Казачий. Здесь, впервые по выходе из Новочеркасска, партизаны встретили приветливое отношение со стороны местного населения. (Отмечаем, что хут. Казачий является родиной подпрапорщика Думенко, известного крас-

ного кавалериста, который и являлся в указанный период времени одним из главных руководителей местных большевиков).

Первый коннозаводческий зимовник по пути движения партизанских отрядов — зимовник Пишванова, — жилой дом две конюшни, службы, сараи, кашары для овец, базы для скота, пруд. Все зимовники, как в Западном, так и в Восточном коннозаводстве, — в руках большевистских советов, состоящих из представителей зимовнических рабочих и крестьян, предававшихся открытому грабежу зимовников.

Перейдя границу Черкасского и Сальского округов у зим. И. А. Королькова, части Отряда Вольных Донских казаков становятся на дневку: партизанский отряд под'ес. Боброва и батарея под'ес. Неживова — на зимовнике Пишванова; штаб-офицерская дружина ген. Базовова и партизанский отряд войск. ст. Мартынова на зимовнике Жеребкова; главные же силы проходят несколько вперед, к обширному зимовнику Орлов-Подвал (Манук Попов), выделяя влево Атаманский конный отряд полк. Каргальска на зимовник В. Королькова. Конный партизанский отряд хорунжего Назарова посылается влево для наблюдения за р. Маныч. 1-ая конная сотня Семилетовских партизан (под'ес. Галдин) выходит на зимовник Янова, пуская разведку к Казенному Мосту и Андреевской переправе через Маныч.

Еще при движении частей Отряда Вольных Донских казаков из района Хомутец и Казачий было получено донесение о том, что зимовник Орлов-Подвал занимается крупной конной бандой большевиков. Для ликвидации этой банды была выслана конная полусотня из состава партизанского отряда войск. ст. Чернушенко. В результате происшедшего боевого столкновения большевики были выбиты из зимовника и бежали в беспорядке в долину р. Маныч.

При подходе к зим. Орлов-Подвал к партизанам присоединился конный отряд полк. ген. шт. Лебедева, прибывший из Добровольческой армии. Этот отряд особого назначения, состоявший при ген. М. В. Алексееве, насчитывал в своих рядах 31 офицера при 2 пулеметах и имел секретное поручение пройти за р. Волгу, пробраться в Сибирь и содействовать там организации анти-большевистского движения. Полк. Лебедев со своим отрядом, проделав в составе Отряда Вольных Донских казаков переход до границ Астраханской губ., 16 марта отделился от Походного Атамана и ушел по направлению к Волге.

Из рассказов добровольцев было выяснено, что дополнительные сведения, собранные штабом Добровольческой армии в отношении зимовников, оказались неутешительными, на основании чего ген. Корнилов в ст. Мечетинской объявил о том, что Добровольческая армия идет на Кубань.

Вечером 20 февраля состоялось совещание начальников партизанских отрядов под председательством Походного Атамана. На вопрос о присоединении к Добровольческой армии все начальники высказались в отрицательном смысле, за исключением полк. Мамонтова, все время настаивавшего на присоединении. В связи с этим решением, 22-го февраля с зимовника Орлов-Подвал уехало в Добровольческую армию известное число лиц, общей численностью до ста человек. Уехали главным образом офицеры-воспитатели Донского кадетского корпуса (войск. ст. Арендт, войск. ст. Биркин, войск. ст. Суворецкий, ес. Суворецкий и др.) со своими воспитанниками-кадетами. Таким образом, пути окончательно разошлись: Донские партизаны остались на Дону, русские добровольцы уходили на Кубань...

*) См. статью автора „Организация Вооруженных сил Отряда Вольных Донских казаков и большевиков в Степном Походе“, „В. К.“ № 99.

Иностранцы о Михаиле Шолохове.

В Краковском литературном еженедельнике „Kuryer Literacko-Naukowy“, в № 13 (приложение к № 85 газеты „Pi. Kuryer Codz.“ от 26 марта с. г.) напечатана статья польского литературного критика Федора Парницкого (Teodor Parnicki) под названием „Современный советский роман, III — прекрасный ренессанс эпоса“, большая часть которой посвящена Михаилу Шолохову. Приводим ниже выдержки из этой статьи:

... „То, что именно советский роман — что действительно звучит парадоксально — становится инициатором в деле оживления и возрождения великих художественных форм — все это является заслугой огромного таланта и просто неправдоподобной у советского писателя литературной культуры Михаила Шолохова.“

„Шолохов — казак, т. е. он происходит из среды, значительно разнящейся от остальной части русского народа инстинктами, рыцарскими традициями, сильно развитым чувством собственного достоинства и любви к

Михаил Шолохов.

свободе. Вся красочность и буйность и в то же время отличительность от быта российского человека, а, следовательно, оригинальность и экзотизм жизни и психологии казачьей нарисовал он в романе „Тихий Дон“. Развил затронутую тему автор эпически. И в самом деле, только в этой форме можно было совершенно беспристрастно, с огромным и тонким знанием предмета и искренней симпатией создать производящий сильное впечатление и изумительно реальный, живой, художественный образ быта донских казаков, их психики, их радостей и печали, страстей и трагедий. Нужно признать, что Шолохов — первый писатель советский, в то же время, один из первых европейских авторов, сознательно возвратившийся к чистым эпическим формам, — вышел из этой пробы победоносно. Действие тянется лениво. Зато волнуют военные картины, рисуемые с холодной беспристрастностью расового эпика. Эротическая тема не предназначена для целей пропаганды нововведений советской культуры, она затрагивает обыкновенную и простую, но всегда живую проблему супружеской верности и измены, вину и искупления — и все это представлено без всякого „рассуждения“, без теорий и диалектики... Приковывает внимание и восхищает прекрасная галерея живых из кости и тела фигур, которых так много в романе. — фигуры казаков и казачек из самых разных сфер общественности: бездомного казака, бедного земледельца и ремесленника, богатого купца и студента, казака-офицера и казака помещика. Это множество живых образов приближает Шолохова к великим поэтам эпикам давних веков и эпикам писателям XIX века. И ко всем им автор относится с любовью и большой объективностью.“

„Тихий Дон“ — эта на первый взгляд безидейная, чисто художественная эпическая повесть, является вер-

хом художественной революционной пропаганды, которая совершенно незаметно просачивается через всю книгу, тревожа, беспокоя, возбуждая, внушая, вдаваясь в дискуссию действующих лиц или слегка только намекая, подчеркивая отношение автора чувством, а не разумом к проблеме мировой войны и ее организации, — чтобы потом разгореться со всей мощью на последней странице, разгореться образно в форме нагайки, которой казак пролетарий хлещет казака-офицера-помещика, мстя ему за личную обиду. В нескольких последних предложениях книги автор высказывает свое классовое мировоззрение, но делает это без ущерба для художественности целого.“

„Эпические достоинства „Тихого Дона“ predisposed Шолохова принять на себя дело возрождения литературного большого романа эпического характера. Достиг он этого в романе „Поднятая Целина“ — бесспорно наилучшем повествовательном произведении этого типа со времен „Трилогии“ Сенкевича. Книга эта читается залпом“...

„Поднятая Целина“ Шолохова приковывает сразу внимание читателя к делам и интересам героев романа, определенно вызывает симпатии к ним и их работе, заставляет переживать их радости, страдания, возвышения и падения. Как никакой, может быть, современный роман — новое произведение Шолохова целиком захватывает читателя, втягивая его безоговорочно в раскрываемый им мир — мир реальный, живой, правдивый, — а ведь это всего лишь мир пропаганды... Содержанием романа является борьба за коллективизацию земельных хозяйств — роман, согласно основам социалистической эстетики и роли литературы в пролетарском государстве, должен служить средством пропаганды в пользу колхозов.“

„Как же это делает Шолохов?.. Может быть, он нас, растрепывая филиппиками на тему об общественной несправедливости, вытекающей из самого основания института частной собственности, допускающего деление на имеющих много и ничего не имеющих? Может быть, представляет нам сторонников коллективизации, как идеал человека и коммуниста, а кулаков, как самые отрицательные характеры? Нет, наоборот, самая борьба за колхозы и люди, в ней участвующие, нарисованы с необыкновенной беспристрастностью. Автор не только понимает, что уничтожение частной собственности является бунтом против извечного права самой природы человека, не только осуждает антиколхозников, но им и сочувствует, оправдывая их страстную любовь к земле и всему тому, что они тяжким трудом сами для себя и для своей семьи приобрели. Еще больше, Шолохов выводит в романе стопроцентных вредителей — контрреволюционеров, даже бывших офицеров, дышащих ненавистью к советскому строю. И этих тоже умеет понять и объяснить, и одновременно не скрывает недостатков характеров коммунистических деятелей, ошибок самого метода коллективизации страны и не боится утверждать, какие громадные трудности кроются в стремлении к реализации коллективизации, и как она отталкивает от себя людей, даже боевых, преданных энтузиастов советской власти, когда-то даже кровь свою за нее проливавших“...

... „В „Тихом Доне“ находим сильное духовное родство автора с народом, с его традициями и инстинктами. Правдивый эпик, никогда не говорящий от себя, — не выдерживает иногда Шолохов и опять, как правдивый эпик, — разражается красивым дифирамбом в честь степи, курганов, в которых спит укрытая слава казачья. Для нас, знающих советскую литературу из произведений интеллигентных „попутчиков“, оторванных от источников жизни народной массы, или из произведений экспериментирующих „фактомонтажистов“ (факты — монтаж), — неужели не покажется удивительно странными в устах писателя, представляющего рабочее-космополитически-материалистическую цивилизацию, такие слова:

— Степь родимая! Низко кланяюсь и по-сыновьи целую твою пресную землю, донская, казачья, не ржавеющей кровью политая степь!“...

Очередное и назревшее.

Станичник Редактор!

Прошу Вас поместить в уважаемом журнале „ВК“ и моих пару строк относительно положения жен зарубежных вольных казаков и той важной роли, которую они, зарубежные казачки, могут и должны сыграть в деле воспитания нового поколения казаков.

Сейчас здесь, в Америке, между казаками идут всякие споры насчет отношения к казачьему фашизму, т. е. к тому „течению“, которое проповедуют казачьи младороссы... Те, кто пытался вовлечь в это „течение“ вольных казаков, были неприятно поражены, когда узнали, что не только сами вольные казаки не пожелали пойти к младороссам, но и их жены приложили все старания к тому, чтобы этого не произошло. Начали раздаваться голоса: „какие-то словачки камандуют казаками“... Но пусть те, кто говорит это, ответят на следующий вопрос: почему жены вольных казаков, являясь по рождению словачками, не тянут своих мужей в словенские организации и даже сами оттуда уходят? Ответ на это очень прост: став женами вольных казаков, мы желаем и сами быть вольными казачками, т. е. с помощью наших мужей узнать Казачество, полюбить его, как свою Родину. Многие из нас являются мате-

рями. Материнский долг зарубежной казачки труден: нужно не только вообще воспитать ребенка, но в то же время воспитать из него хорошего казака, т. е. не младоросса и не „русского казака“, а вольного казака.

Прекрасная идея казачки Ю. Уваровой, высказавшейся относительно необходимости издания учебника для казачьих детей, не может не найти отклика в сердцах зарубежных казачек. С своей стороны я позволю себе высказать пожелание, чтобы на страницах журнала „ВК“ хоть время от времени появлялось что-нибудь для наших детей (хотя бы картинки). Это необходимо, ибо то, что наши дети могут узнать о Казачестве в чужих школах, будет в большинстве случаев или искажением истины или даже карикатурой.

Нужно бы было дать нашим детям хоть то, что представляется возможным. Они ведь так обездолены... Нужно, чтобы их маленькие сердечка не болели о том, что у них совершенно ничего нет из того, что имеют другие дети... Скажем вместе с нашими детьми:

— Почему нет казачьих детей в журнале?

Казачка Кубанского Войска Мария Канарева.

Cleveland, U. S. A.

Думы и мысли.

Переключка.

28 апреля ко мне прискакал на вороном коне Черный Всадник со знаменем любви к стране родной, к родной матери Казакки. А на знамени — дивиз и цель Казачества, начертанные кровью казачьей — Воля и Казакция... 151-й номер родного „Вольного Казачества“! На 22 странице написано:

На Дальнем Востоке.

Атаманам станиц: Оренбургской, Сибирской, Енисейской, Иркутской, Забайкальской, Амурской и Уссурийской (в Харбине)...

Дорогие станичники! Примите наши наилучшие пожелания и вольно-казачье спасибо от вольных казаков „Донской Сарыни“ за ваше гордое казачье слово, за вашу смелость и энергию! Слава вам, атаманы-молодцы! Слава Казачьему Народу! Слава всему Казачеству!

Вольно-Казачий Курень „Донская Сарынь“ шлет всем вольным казакам и вольным казачкам низкий казачий поклон!

Куренной атаман Ив. А. Болдырев.

Братья ли казакам русские?

Русские эмигранты, а с ними и „русские казаки“, утверждают, что казаки — русские люди, ибо они от русских людей произошли, а значит, они и есть русским братья, а русские им...

В настоящей статье я не буду касаться вопроса о происхождении казаков. Для этого среди вольных казаков есть более компетентные люди. А вот на вопросе о „братстве“ следует остановиться.

К примеру, возьмем „бескровную“. Случилась революция, свергли царя, отобрали у помещиков всю землю, разделили между собою награбленное — казалось бы, можно было насытиться... Так нет же, мало! Нужно еще пойти с оружием в руках на „брата“ своего, казака, и забрать у него все решительно, а его самого уничтожить совсем. Поступают ли так братья? Нет. И я предпочту назвать братом какого-нибудь турка или немца, чем русского, ибо турки и немцы никогда не издевались так немилосердно над своими пленными, как русские на Казачестве. Наши „русские казаки“, вторя своим зарубежным русским „братьям“ кричат, что это не так, что вольные казаки изменив своей родине — России, слишком много пишут неправды на русский народ...

Нет, как раз именно вольные казаки и основываются на действительных фактах, а вы, русские „казачки“, — на пустых выдумках. Того, кто правду говорит, с удовольствием слушают, ценят его и поддерживают, а кто говорит „впустую“, того не слушают, оставляют его и уходят от него подальше. Кого же больше слушают, читают, ценят и поддерживают — „Вольное Казачество“, цель которого — полная независимость казачьего народа, „Кавк. Казак“, просто „Казак“ или блаженной памяти „Родимый Край“, которые за одно с русскими чернят казачье имя и снова хотят закабалить казаков под власть „единой неделимой“? Думаю, что — первое. Ибо вольные казаки говорят и пишут только правду, основанную на документальных данных, на фактах, а потому их слушают и поддерживают. Поэтому-то и ширятся и крепнут ряды Вольного Казачества.

О „братском“ отношении со стороны вождей белой русской армии много писалось на страницах „ВК“. А сколько пришлось испытать казакам от такого же отношения и предательства со стороны русских „братьев“ менее высокого полета!.

Помню один характерный случай.

Как-то раз, в первых числах января 20-го года, один из полков Н-ской конной бригады захватил в плен красноармейцев, среди которых оказались бывшие русские офицеры и один медицинский врач. Не помню, куда отправили офицеров и красноармейцев, но знаю хорошо, что врача командир бригады счел не важным преступником и прикомандировал его к обозу, где его, как заявившего, что он последние пять лет проживал где-то в Усть-Медведицком округе (врал, конечно), приютили, как своего, одели в казачье обмундирование и дали ему специальную повозку для него и медикаментов, которых он не имел.

Бригада, с боем оставляя каждую пядь родной земли, под напором огромных сил противника отходила в сторону Кубани. Раненых и больных тифом казаков (в числе больных состоял и я) при обозе собиралось с каждым днем все больше и больше. Бригада то и дело бросалась с одного места в другое, делая огромные суточные переходы. Обоз с ранеными и больными за нею не мог следовать, а поэтому к-ром бригады было приказано пленному врачу отправиться с нами в глубь тыла для распределения нас по госпиталям и лазаретам. И вот с тех пор мы начали с врачом бродить по хуторам и станицам Кубани. Раненых ему скоро уда-

лось распределить, так как они с удовольствием жили в госпиталь, дабы скорее получить там первую медицинскую помощь. Что же касалось нас, тифозных, то с нами дело обстояло гораздо труднее, ибо мы ни под каким видом не хотели ложиться, зная, что если ляжешь в госпиталь, то уже из него живым не выйдешь, а потому решили ехать на подводах до станции Кушевской, а там — что будет! Во зремя всех этих скитаний много казаков умерло.

В Кушевке пленный врач погрузил нас в санитарные вагоны, и мы в сопровождении его были отправлены на станцию Кавказскую. За это время еще несколько человек умерло, а остальные кое-как добрались до станции. Те же, которые выдержали смертные приступы тифа и немного оправились от него, просили врача присоединить их к своей части, которая в составе 4 корпуса ген. Павлова в то время отступала на Екатеринодар. Врач дал слово, что присоединит нас... и мы опять поездом поехали до станции Белореченской. Со станции, где пешком, где на подводах, мы пересекли путь на Екатеринодар. В одной станице (не помню ее название), лежащей в 6-7 верстах с левой стороны Кубани, мы попали в руки „зеленым“, которые прежде всего обезоружили нас и потребовали выдать им офицеров. Но так как у казаков выдачи вообще нет, казаки им в этом отказали и уверили, что среди них нет не только офицеров, но даже и врача, который должен быть при больных. „Зеленые“ охотно поверили казакам и оставили нас в покое, не причинив никакого нам вреда. Рано утром мы приблизились к самой Кубани и на пароме переправились на правую сторону. Там мы получили сообщение, что путь на Екатеринодар был — не то красными, не то „зелеными“ — отрезан, поэтому нам пришлось повернуть левее, в черкесские аулы, и держать новый путь по линии Туапсе.

И вот в одном ауле мы так близко подошли к фронту, что ясно была слышна пулеметная и ружейная стрельба. Старые черкесы предупреждали нас и говорили, что фронт очень близко, что мы свободно можем попасть прямо в зубы к большевикам и что лучше было бы и безопаснее держаться дальше от фронта, пока не присоединимся к своей боевой части. Такого же мнения и мы все были. Некоторые казаки, словно предчувствуя близкую смерть, говорили врачу:

„Г-н доктор, куда же вы нас, безоружных, ведете?“

Но врач никого не хотел слушать; он, видимо, заранее обдумал свой план и во что бы то ни стало решил точно выполнить его, найдя подходящий момент к тому. На все советы и просьбы казаков он говорил, что ему надоело бродить с нами по тылам и попадать в руки „зеленым“, что он нас таким образом не может скоро присоединить к своей части, ибо она находится не в тылу, а на фронте, и что если он ведет нас, то ведет на верную удачу... ибо знает точно, где находится наша бригада. Казаки поверили ему.

На утро мы оставили аул, где нас предупреждали об опасности, и переправились на лодках через небольшую реченку на правый берег ее. Здесь сразу начался густой молодой лес, через который шла дорога, покрытая сплошной жидкой грязью, по которой мы брели, как по воде. Куда дорога шла, к чему она вела, — никто из нас не знал. Стрельбы — никакой. Все тихо кругом, и как будто фронта здесь никогда не было. Все немного повеселели, надеясь скоро увидеть своих оставленных коней, встретить станичников, поделиться с ними пережитым... Но горькая и злая судьба готовила почти всем другое: неожиданную смерть...

Помню, после трехчасовой ходьбы мы вышли из леса и увидели другой аул. Все еще больше обрадовались и, собрав последние силы после болезни и грязной дороги, бегом побежали (смерти на встречу!) по начавшей зеленеть полянке к этому аулу. У меня же, когда я побежал (так было Богом суждено), отстала вся подшова на правом сапоге... Я остановился и, пры-

гая на одной ноге, вернулся к лесу, чтобы содрать с ветки кору и привязать ею какнибудь отставшую подошву, а потом уже идти дальше, к аулу. Не помню, сколько времени я с сапогом возился, но все же мне удалось его увязать, и я поднялся чтобы продолжать свой путь и догнать ушедших казаков, как вдруг вижу: пять вооруженных солдат выскочили из аула и навстречу и наставили на них штыки. Я, признаться, остолбенел и не мог двинуться ни назад ни вперед.. Визу, как врач расстегнул свою шинель, разорвал борт шинели, достал оттуда какую-то бумажку и дал ее в руки одному из пяти вооруженных. Последний, просмотрев ее, сейчас же поставил врача в сторону и приказал опустить поднятые им кверху руки. Остальных, избивая прикладами винтовок, погнали в аул. Я, едва овладев собою, быстро вскочил в лес и, издираясь им, пустился бежать... К вечеру я добрался до того аула, откуда мы вышли утром.

Перед закатом солнца послышалась пулеметная и ружейная стрельба в том же направлении, где мы слышали ее вчера. Я боялся, как бы ночью большевики не заняли аул, в котором я решил переночевать. Но этого не случилось. Утром, к счастью моему, прибыл в аул Н-ский конный казачий полк, к которому я присоединился, и рассказал о предательском поступке пленного врача. Командир полка, полковник Л., был возмущен до глубины души и отдал приказ полку переправиться в брод на правую сторону речки и занять тот аул, где захвачены были 15 казаков.

Аул на этот раз оказался никем не занят, но жители сообщили к-ру полка, что большевики ушли из аула под напором каких-то конных частей накануне вечером.

— А с казаками больными что они сделали? — спросил к-р полка.

— Они их расстреляли вот там, за аулом, — показал житель рукою и направился к тому месту, где лежали изуродованные тела казаков. Весь полк двинулся за ним...

К-р полка приказал немедленно похоронить замученных казаков и поставить общий крест на могиле. После похорон полк двинулся дальше, а братья наши казаки остались лежать неподвижно в сырой земле по вине предателя, „брата“ русского — врача Волкова Ивана Сергеевича...

А сколько подобных случаев было за 200 с лишним лет владычества русских! А теперь разве лучше? Нет! Теперь происходит форменное уничтожение целого народа. Кровь казачья смешалась со слезами матерей, жен и детей...

Факты прошедшие и факты настоящие настолько ярко характеризуют „братское“ отношение русского народа к Казачеству, что поневоле душа загорается пылающим огнем мести, и ум указывает на единственный путь, ведущий к освобождению нашей Родины Казакии.

Это — путь Вольного Казачества.

Будем же, братья казаки, послушны своей душе и своему казачьему сердцу; давайте стремиться скорее, пока еще не поздно, попасть на этот светлый и правильный путь, по которому в полном единении всего казачества и по первому зову отправимся туда, где текут кровавые реки нашего истязаемого народа. Давайте от слов перейдем к делу, ибо время-то приближается, а мы все еще не готовы... Если мы все, как один, выполним свой долг и будем дорожить своей Родиной, своим народом, своим казачьим „Я“, будем верить в самих себя и в тех, кто поднял и держит знамя казачьей Свободы, — тогда мы достигнем своей казачьей цели!

А. Бабков.

Галац, Румыния.

О. Р. К. в Париже.

Правление ОРК в Париже в письме своем от 25 апреля с. г. за № 62 о возвращении ему взносов членов ОРК в фонд союзу Б. Круга ВК допустило (вольно или невольно — судить не буду) искажение истины (в той части своего письма, в которой объясняет причины своего шага), которую позволю себе здесь восстановить, т. к. возможно, что на неправде, усиленно распространяемой некоторыми лицами после Лионского Съезда ВК во Франции, создалось и много „недоразумений“. Ограничусь сухой передачей фактов.

Полномочия представителей ОРК на первом Окружном Съезде ВК во Франции (24—25 декабря 1933 г.), г. г. Балинова и Жукова, были Съездом утверждены и наказ ОРК был зачитан наравне со всеми другими в самом начале работ Съезда. Только после того один из делегатов (ст. Хрипушин) поставил вопрос, все ли организации, представленные на Съезде, зарегистрированы в Центре ВК. На это я, взяв слово, заявил, что вопрос этот, после того, как полномочия делегатов Съездом утверждены, является излишним, не могущим изменить ничего. До этого момента еще никто не знал, какую из организаций станичник Хрипушин имел в виду. После этого слово взял г. Жуков и заявил, что он и г. Балинов являются как раз представителями организации, не зарегистрированной в Центре (в Праге) и объяснил, почему этого ОРК не сделало (не касаюсь здесь того, удовлетворило ли это объяснение кого, или не удовлетворило). Только после этого, на специальный вопрос делегатов Съезда, я говорил по существу вопроса, при чем сказал буквально следующее: „ОРК действительно формально не регистрировалось до сих пор в Центре (в Праге). Очевидно, у него были на то свои особые соображения. Возможно, что оно хотело тем оставить себе для некоторых случаев свободные руки. Но должен сказать, что ОРК со времени своего возникновения неоднократно выступало как организация вольно-казацкая“.

В последовавших затем репликах, после того, как г. Жуков снова утверждал и доказывал, что ОРК самая старая ВК организация, что оно всегда проводило в жизнь идею ВК движения, а если не регистрировалось в Пражском Центре ВК, то это прежде всего их дело, так сказать „личное дело“ ОРК, — станичник Хрипушин и бросил представителям ОРК упрек в том, что если регистрацию в Центре ВК движения ОРК считает только своим делом, то свою работу проведения в жизнь ВК идеи оно ведет не с чистой совестью и не от чистого сердца. В ответ на это г. г. Балинов и Жуков и заявили себя оскорбленными за свою организацию и потребовали от Съезда реабилитации ОРК. Съезд уклонился от этого, т. к. вынесение того или иного решения относительно ОРК предполагало обсуждение его деятельности, каковой цели Съезд ставить себе не мог, да и не имел на то ни времени, ни возможности. Было также подчеркнуто, что Съезд не может отвечать за ту или иную реплику своего члена.

После этого Съезд перешел к выработке повестки дня и к обсуждению первого пункта повестки: организация Округа ВК во Франции.

Оба делегата ОРК на Съезде остались.

Когда первый пункт повестки был закончен и когда была проголосована резолюция о том, что ВК Округ во Франции признает и подчиняется Центру ВК в Праге, один из делегатов (станичник Кондрашов), заметив, что оба представителя ОРК в данном голосовании участия не приняли (ни за, ни против, ни воздержались), взяв слово у председателя Съезда, обратился к г. г. Балинову и Жукову с таким вопросом: „Разрешите спросить вас, в качестве кого вы здесь присутствуете — в качестве делегатов Съезда или в качестве со-

глядатея? Если в качестве делегатов, то почему не голосуете, можете ведь голосовать, как угодно. Если в качестве соглядатея, то... (председатель Съезда перебивает ст. Кондрашова).

И только после этого оба представителя ОРК заявили, что они решили со Съезда уйти, т. к. считают себя оскорбленными (заявлением ст. Хрипушина) за свою организацию.

Был объявлен перерыв. Оба делегата ОРК пока не ушли. После перерыва председатель Съезда А. К. Ленинов попросил их обоих в помещение заседаний Съезда. Вошел г. Жуков, господин же Балинов уклонился. Председатель Съезда попробовал (и весьма добросовестно) уговорить г. Жукова (а через него и г. Балинова) не покидать Съезда, не вносить раскола в ряды вольных казаков во Франции. Господин Жуков заявил, что решение их об оставлении Съезда твердое, и удалился.

Такова фактическая сторона пребывания делегатов ОРК на Съезде в Лионе. Свидетели тому — делегаты 17 вольноказацких организаций во Франции.

Дальше я позволю себе высказать некоторые свои соображения и поставить, в свою очередь, вопрос ОРК. Как теперь уже известно, 13 декабря прошлого года, т. е. за одиннадцать дней до Съезда в Лионе, в городе Братиславе (Чехословакия) создан был „новый центр ВК“ во главе с г. А. Трофимовым (председатель), А. Жуковым (заместитель предс.) и Ш. Балиновым (полномочный секретарь). [Личный состав этого „нового центра“ не раз уж: менялся, но в данном случае это дела не меняет].

Таким образом, г. г. Балинов и Жуков были на Съезде, собственно говоря, представителями „нового центра“, но у них не хватило смелости заявить об этом на Съезде открыто. [Я лично в день Съезда получил известие об образовании „нового центра“, но состава его еще не знал]. Конечно, в планы представителей „нового центра“ не входило выносить доверие Билому или оставаться до конца работ Съезда [настроение которого было явно не в пользу „оппозиции“, к которой принадлежали г. г. Балинов и Жуков], иначе им трудно было бы потом найти мотивы неподчинения решениям Съезда. Решения Съезда обязательны ведь для всех участников его. Вот почему они не приняли никакого участия в голосовании вопроса о подчинении Округа пражскому Центру. Реплика ст. Хрипушина о „нечистой совести“ явилась для г. г. Балинова и Жукова всего лишь удобным предлогом покинуть Съезд после того, как он вынес фактически доверие Билому.

Все же, как видим из всего сказанного, вопрос о „нечистой совести“ не был тогда вопросом праздным, а теперь тоже не для всех пока он ясен. А потому я позволю себе поставить ОРК в Париже следующий вопрос:

Знало ли оно, посылая на Съезд в Лион г. г. Балинова и Жукова, что посылает представителей „нового центра ВК“? — Если знало, то почему скрыло этот факт от остальных вольных казаков во Франции и от Съезда? Если знало, то каковы же были истинные намерения послышки своих делегатов на Лионский Съезд? Если знало, то кому нужна была эта игра в темную, почему ОРК сразу не заговорило со всеми вольными казаками вслух и открыто?

Если не знало, если тогда представители „нового центра ВК“ скрыли все это от ОРК, если само ОРК было кем то обмануто, то почему...

Впрочем, правильнее будет предоставить дальнейшее самому ОРК. Это, ведь, уже его дело внутреннее.

И. Билый.

Несостоявшийся смотр. Провал ген. Богаевского.

Второй раз отложил ген. Богаевский созывавшийся им (по соглашению с другими Атаманами) общеказачий с'езд. На этот раз — окончательно и навсегда. Проектировавшийся смотр „русских казаков“ во главе со своими Атаманами перед русскими эмигрантскими организациями не состоялся.

Почему же отменил с'езд ген. Богаевский? — А потому, что все равно он не состоялся бы в таких размерах и в таком составе, как этого хотел ген. Богаевский. В том же виде и составе (весьма малом!), в каком он мог бы быть, он не только ничего не дал бы ген. Богаевскому, но лишний раз демонстрировал бы провал „подагики“ и „безработье“ бывшего Донского (может и не только Донского) Атамана.

Формальной причиной отмены с'езда объявлена болезнь ген. Богаевского. Поскольку мы знаем, более действительными причинами этой отмены явились:

1. Слабый интерес казаков к с'езду, созываемому ген. Богаевским. На с'езд, если бы он и не был отменен, никто не приехал бы из-за границы. Не многим больший интерес к с'езду был и у казаков, живущих во Франции.

2. До самой отмены созыва с'езда ген. Богаевский так и не мог сам решить, чем бы с'езд занимался, если бы он собрался. Это неимение программы с'езда у инициатора его созыва еще более усилило недоверие к нему у казаков, заставив быть более сдержанными даже тех, кто при других условиях несомненно откликнулся бы на призыв Донского Атамана.

3. Не составляет также секрета и боязнь ген. Богаевского появиться перед даже признающими еще его казаками в сопровождении господина Мельникова после некоторых „разоблачений“ последнего времени. Без него же он был бы совершенно беспомощным.

Все это, вместе взятое, и усилило болезнь ген. Богаевского (как уменьшили бы ее причины обратные, т. е. удача с созывом с'езда).

С своей стороны можем только добавить, что отсутствие интереса у казаков к с'езду ген. Богаевского явление не случайное. Это — подтверждение казаками окончательного политического банкротства ген. Богаевского и его окружения. Это — политические похороны бывшего Донского Атамана.

Казачья эмиграция.

На Большой Круг ВК.

Поступило: от Вишницкого (из Греции) один америк. доллар.

ВК во ФРАНЦИИ.

В Париже.

22 апреля станица вольных казаков имени А. И. Кулабухова устроила открытое собрание, на котором войск. старш. Мокиевский сделал доклад на тему: „Утраченные возможности“.

Открывая собрание ст. атаман С. Н. Федосеев сказал вступительное слово: „Мы, казаки, должны стремиться как можно больше знать вообще прошлое, тем более необходимо знать свое казачье прошлое... В полном согласии с утраченными нашими возможностями в прошлом, избрана и тема настоящего доклада.“ После этого атаман предложил собравшимся выслушать докладчика с особенным вниманием, как бывш. члена Украинской Миссии к Казакам, любезно ныне согласившегося осветить взаимоотношения Украины к республикам Дона и Кубани в прошлом.

Войск. старш. Мокиевский сказал, что он рад тому случаю, что на его долю выпало первым сделать доклад в станице вольных казаков имени А. И. Кулабухова, яркого поборника за казачью независимость.

Вспоминая казачье борца за право самостоятельного жить и дышать, войск. старш. Мокиевский подчеркнул, что он принадлежит к организации Украинского Офицерского Клуба; к той организации которая носит имя первого поборника за украинскую независимость, а именно: генерал-поручика Орлика.

Подчеркнув тождественность Шефов организаций и свои симпатии к казакам, докладчик, между прочим, упомянул, что он принимал участие в Миссии Украинской Державы, которая была послана в свое время на Кубань и Дон с целью восстановить общий контакт с южными соседями для общих действий против севера, чтобы „отбиться“ от последнего. Украинская Миссия была встречена по словам докладчика „с большой симпатией“... „Приступлено было к переговорам, которые протекали в дружественной форме“. „Как Кубани, так и Дону, Украина шла навстречу“. „Как Доном, так и украинцами все недоразумения были ликвидированы“. „Таганрогский округ был уступлен“. После этого докладчик бросает в казачью аудиторию жест: „Таганрогский округ исторически является казачьим“.

По словам докладчика, Дон в первое время своей борьбы с русским севером был независим от постороннего влияния и имел духовные и физические силы, но не имел военных запасов, которые ему были необходимы. Украина в этот момент обладала малочисленной армией, но зато имела большие запасы вооружения, главным образом с румынского фронта. „По соглашению Глав Дона и Украины был подписан целый ряд соглашений по поставке Дону всевозможного вооружения“. И после двухсотлетнего перерыва дружба Дона с Украиной настолько завязалась, что „Донское Войско прислало в Киев своего посла, встреча которого там была самой радушной“. Докладчик уверен в том, что могло бы быть сделано много, но вышло мало“. Предлагает разобраться, начинает разбор с далекого исторического прошлого и говорит: „Украина и Казачество тесно связаны друг с другом“. „Упадок одного из них является упадком другого.“ Приводит доказательство: „Разгром Булавина Петром — разгром Украины“. „И в 1709 году Войско Запорожское перестало существовать“. „После этого началось переселенческое движение великороссов и заселение последними Украины и Дона“.

Далее, докладчик подтверждает: „Упадок Украины — упадок Дона, и мы являемся этому свидетелями. Несмотря на то, что Украина по своей территории занимает пространство большее, чем Казачество, и имела большие запасы вооружения, она была слаба в то время, когда Дон был силен — в июне 1918 г.“

Слабость Украины докладчик объясняет тем, что украинская интеллигенция „была воспитана на русской почве“, а поэтому была „левая“ больше, чем нужно, вследствие чего отношение к казакам было как к „реакционерам“.

Такое явление не могло не отразиться на общем ходе борьбы против севера и привело к тому, что был обнажен левый фланг Донского Войска, что и подорвало силы донцов. По словам докладчика, была другая часть украинской интеллигенции, которая поддерживала связь с казачьими руководителями, но она особого сочувствия не встречала в казачьих верхах, ибо они были „самостийниками“ по названию, но в душе единомышленники“.

Все взятое привело к тому, что украинские силы были оттеснены в западный треугольник, а в то время, когда украинские силы были заняты спешной переформировкой для борьбы за свою самостоятельность, в это время „Дон подпал под руководство добровольческих генералов“. „Свобода Казачьих Земель уничтожена не руками севера, а нами самими“. „Теперь, если

можно так сказать“, говорит докладчик, „казаков переселяют к Владивостоку“. „В Соловках на заготовках казаки и украинцы, — русских там нет!“ На место казаков и украинцев переселяют великороссов — как в дни Петра и Екатерины. Перечислив ресурсы, которые мы имели для победы над севером, докладчик подчеркивает то, что мы не имели, а именно: „Мы не имели ясной цели“.

Перейдя к будущей борьбе за освобождение, докладчик говорит о благоприятных условиях будущего освобождения. И для этих условий необходимы ясная цель и одновременное использование всех возможностей. „Изна какого нибудь уезда копы ломать с казаками не будем“.

Говоря о международной политической обстановке, докладчик сказал: „Международная политическая ситуация на нашей стороне“.

В борьбе с русскими оккупантами надо иметь смелость и веру в себя, ибо по словам докладчика: „У русских нахальство и вера в себя“.

Заканчивая свой доклад под дружные аплодисменты, заявляет в сторону противника: „С Москвой не должно быть и не может быть соглашений“.

Ст. Киктев благодарит докладчика за прекрасный доклад и заявляет: „Украины без Казаккии не может быть и Казаккии без Украины тоже не быть“. (Аплод.). Ст. Киктев видит, что борьба начнется с Украины, и своим участием казаки должны помочь братьям украинцам, а последние в интересах общих должны помочь казакам.

Ст. Чертков коснулся отношений украинского населения к казакам в то время, когда казаки под руководством ген. Деникина выполняли задачу „неделимой“. По той роли, которую выполняли казаки, казалось бы, они не заслуживали уважения, но, несмотря на это, украинское население встречало казаков радушно и относилось к казакам как к своим. Красные, видя хорошее отношение со стороны украинского населения к казакам, начали передевать красноармейцев в кубанки и такими новыми куб. казаками производили над украинским населением всевозможные эксперименты, чем и вооружили украинцев против казаков. Ст. Чертков „один из тех, кто участвовал на Украине“, и является свидетелем прошлых „недоразумений“, а поэтому предлагает силы противника учитывать целиком, как на военном, так и на политическом фронте, в настоящем и в будущем.

Ст. Скобелин благодарит докладчика за доклад и призывает к общим действиям против Москвы за интересы и за самостоятельное бытие наших народов.

Ст. Калита благодарит докладчика за ту политическо-художественную картину, в которой докладчик ярко нарисовал те возможности, которые мы в прошлом утерjali. Опасаясь за будущее, чтобы не утерять и будущих возможностей, ст. Калита предлагает „заключить Священный Союз Украины с Казачеством“.

Ст. Додура интересуется „претензиями“ Украины к Казачеству, в частности на Кубань, и обращается к докладчику с вопросом: „Я хочу задать вопрос докладчику вне порядка доклада: какое отношение Украины к черноморцам?“

Ответ докладчика: „Это зависит не только от нас, но и от Кубани. Аннексировать вас не собираемся. Относимся к вам, как родственные по крови и плоти“. Всякое посягательство со стороны Украины на Кубань докладчик отрицает.

В заключение докладчик добавляет: „Мы желаем вам собственной свободы, избавления от красных, белых и фиолетовых“ (Аплод.).

Откровенный доклад заставил ст. Киктева еще раз высказать свои думки. По понятиям ст. Киктева, руководители борьбы за освобождение своих народов из-под ига Москвы должны создать общий центральный орган и действовать общими силами и против врага, и перед иностранным миром.

Сот. Якименко (укр.), делая логические и последовательные выводы, подходит к будущим взаимоотношениям Украины и Казачества и говорит: „Свободный сговор между свободными“.

ВК хутор Ермаков в Ганovere. Сидят (слева направо): Г. Людека, П. Т. Лосев, Т. Лозин. Стоят: А. Дидов и И. Буянов (справа).

Ст. атаман, обращаясь к докладчику, благодарит его за откровенный и дружественный доклад. Предлагает всем впредь быть бдительными, чтобы не утратить в будущем новых возможностей.

(Соб. кор.)

Казачья Старина.

6 мая с. г. в воскресенье была лекция донского казака А. К. Семенченкова: „Казачья Старина“.

Лекция сопровождалась демонстрацией рисунков и гравюр. Желавших пришло очень мало и исключительно донцы. Многие не пришли потому, что „помогали“ Богаевскому собираться на второй „Казачий Сезд“.

Сам лектор, „русский казак“, показывая казачьи рисунки и гравюры, считал необходимым добавлять: „это русские казаки“. Правда, он в начале лекции оговорился, что политика его не интересует, но бесспорно, что Россия его „причаровала“.

Г. Семенченков в своей студии имеет все стены покрытыми цветными гравюрами и рисунками. Самая ценная часть коллекции — казачья. Казаки почти всех иностранных и русских гравюров 18 и 19 ст. и почти все типы казаков 16, 17, 18 и 19 ст. Этот исторический весьма ценный материал говорит сам за себя, он показывает, как иностранцы были заинтересованы нашими предками.

Казаки всех Войск изображены очень полно: на войне, в походе и в мирной жизни. Вкратце перечислю по памяти: казаки на Елисейских полях в Париже 1914 г.; казачий офицер в Пале-Рояль; Лейб-казаки в половине XIX в.; переправа казаков через Эльбу в Дрездене; вступление казаков в Париж в 14 году; донской казак Александр Землянухин с пикой в Лондоне; типы лезгин, донской казак, черкес крымский, кавказский и оренбургский казак; казачьи пикеты; схватка казака с турками; татарин и казак XVI в.; Уральские казаки и их знамя; Атаман Платов, снятый вместе с завоевателями Европы; казачка уралка, уралец, донец и черноморец; Атаман Разин и его казны; портрет Пугачева 1773 г.; Разин в персидской одежде (после завоевания Персии).

Кубанская ВК имени
ген. Я. Г. Кухаренко
станица в В. Бечкереке
в день Св. Христова
Воскресения.

Сидит: Войск. старш.
Ф. А. Якименко. Стоят
(слева направо): И. На-
заров, И. Павлов, П.
Корешков, атаман К.
Ачмизов, Т. Манжула,
И. Бондаренко, секре-
тарь укр. Громады С.
Третьяченко, помощник
ст. ат. Н. Акулышин,
Д. Альбаков, И. Маслов.

В собрании Семенченкова есть специальная папка, где хранятся народные картинки и лубки, изображающие казаков; калмыки, башкиры и татары в цветных гравюрах и много, много другого. Имеется и библиотека, очень ценная. Много исторических казачьих песен. Большое казачье спасибо А. К. Семенченкову за собранный материал, но было бы хорошо, если бы и душа его казачья была, т. е. чтобы он себя считал казаком В. В. Д., а не „русским казаком“.

В прошлом (а сейчас еще больше) „под Россией“, казаки говорили: слава казачья, но жизнь — собачья. Теперь мы, вольные казаки, должны добиться, если надо, то и мечем, кроме славы — и жизни казачьей!

А. Додура.

Париж. 8-V-1934.

ВК в ЮГОСЛАВИИ.

В Смедерево.

В воскресенье 29 апреля с. г. в помещении ст. правления состоялось общее собрание, устроенное атам. ст. Кашкадаевым, на котором был прочтен начальником информ. отд. Негреевым реферат на тему о жизни и деятельности председателя Законодательной Краев. Рады Н. Рябовола.

Реферат составлен трудом Е. М. Якименко и по просьбе нач. информ. отд. был прислан им для широкого ознакомления казаков с деятельностью казачьих апостолов.

Председательствующий на собрании ст. ат. Ив. С. Кашкадаев обратился к казакам со следующими словами:

„Братья казаки, сегодня мы чтим память нашего вождя Н. С. Рябовола, который был убит врагами Казачества. Только теперь мы увидели, что в нужное время мы не были политически просвещены, не знали справедливой стороны, которой нужно было бы держаться, не знали детально той роли, которую играли наши противники. Пусть же будет нашему великому вождю, Н. С., легка родная Земля, которую он окропил своею кровью за свободу Казачества и народоправство. Будем же в будущем разумны и осторожны и не будем пускаться к судьбе нашей враждебных нам элементов, вроде Покровских и пр. господ. Мы должны быть сейчас в курсе нашего казачьего строительства и всеми силами поддерживать наших вождей с мужеством и непоколебимой верой в воскресение Казачьих Земель. Задачу Н. С. мы должны взвалить на свои плечи и разрешить ее в пользу свободного Казачества, не считаясь со своими жизнями.“

После этого берет слово Я. И. Негреев: „Братья казаки! Прежде чем приступить к чтению реферата о жизни и деятельности борца за свободу,

Предс. Краевой Рады. Н. С. Рябовола, прошу почтить память его вставанием.

Через два месяца, 27 июня, исполнится 15 лет со дня трагической смерти мудрого вождя Куб. Края, так безвременно ушедшего в иной мир, не окончивши возложенной на него миссии. Как увидим сейчас из реферата уважаемого нашего куб. патриота Е. М. Якименко, Н. С. пал от пули из-за угла позорно спрятавшихся „союзников“... Он был действительно мудрым и настоящим 100% каз. патриотом, приносившим свои знания и умение на пользу Куб. Края и всего Казачества. Насколько была чувствительна его потеря, доказательством может служить скорбь, протесты и бурные манифестации Куб. Края...

В эпоху большевической войны нельзя сказать, что не было ему товарищей по его работе. Они были, как и теперь видим, но из массы идеалистов выделялось нужно сказать, мало. По моему убеждению, причины застоя развития идеи были в то время следующие: одни, напр., не выделялись из боязни репрессий со стор. Добр. армии, другие не выделялись из боязни самих же казаков, предварительно не подготовленных к защите независимого государства казачьего и его вождей. И третья причина та, что много офицеров, далеко стоявших от казачьего вопроса, служили в угоду баронам Добр. армии, вытягиваясь в струнку в ожидании новых звезд или процветов, а тем временем подрывали корни плодотворной работы не боявшихся ни кого борцов казачьей воли. Вот таким-то неустрашимым борцом и был Н. С. Рябовол. Как ни налаживала Добр. армия свои струны и ноты, Н. С. не садился в их квартал, а пел на своей бандуре, которую понимал Куб. Край. Добр. армия не находила уже слов говорить с певцом казачьей свободы, и она решила пулею прекратить его дальнейшую работу“...

Этим станичник Негреев заканчивает свою речь и приступает к чтению реферата Е. М. Якименко.

Несмотря на то, что реферат был написан на 18-ти страницах, чтение его длилось от 9 ч. утра до 12 ч. дня с обширным пояснением и толкованием. Аудитория, около 40 человек, с большим вниманием выслушала так красочно составленный реферат, кончившийся стихотворением:

Заплачь, Кубань родная,
О прежней вольности своей —
Твоих вождей уничтожая,
Враги готовят цепи ей.

После прочтения доклада произнес следующую речь Н. Л. Гнилозуб: „Господа, сегодня был прочтен доклад о жизни и деятельности Н. С. Рябовола, где было упомянуто имя Кулабухова и др. казачьих вождей, положивших жизнь за благо Казачества. Обратите, господа, внимание на приговоры и протесты, вынесенные в адрес Добр. армии некоторыми станицами по случаю

Гуманитарное о-во казаков националистов „Воля“ в гор. Шабце (Югославия). К Пасхе этого года о-во одело 20 казачьих и сербских детей. В центре сидит секретарь о-ва Мария Михайловна Иконникова, жена станичного атамана; за нею стоит председатель о-ва, станичник Аким В. Молька.

гнутого убийства предс. Рады Н. С. Рябовола. Приговоры, которые выражали скорбь и возмущение, были подписаны нашими отцами и дедами, вполне понимавшими тогда потерю одного из первых казаков. Да послужат те приговоры нам примером, чтобы мы, как здесь в эмиграции, так и в будущем, там, не боялись угроз и упреков, как не боялся их наш Рябовол. Мы должны быть сплочены, жертвенны и сильны духом, чтобы осуществить завет наших предков, и тогда только мы достигнем намеченной цели.“

Выступали также Столяров П. А. и Пальцев М. М. Следует отметить жгучую речь старика М. М. Пальева: „Некоторые волнуются, что „нет у нас способных людей“. Бояться нечего. Сколько вас, оторванных от плуга, кроме которого вы ничего не знали, а сейчас вы хорошие мастера... Значит, на это есть способные люди. Будут и на другое. Или у нас нет, скажем, командующего? (В это время говорящий разворачивает журнал „К“, где помещена фотография ген. Старикова, показывает на него слушателям и с одушевлением, уверенным голосом говорит): Вот наш генерал... Вот наш главнокомандующий!.. Посмотрите на него, прочтите здесь его труды, и вы увидите, что есть у нас люди, на которых можно опираться. Так что нечего, господа, нам бояться“... Этими словами старик заканчивает свою речь.

После Пальцева говорит опять нач. инф. отд. Негреев:

„Заканчивая наше собрание, я еще раз подчеркну, что Н. С., памяти которого мы посвятили сегодняшний день, вырванный врагами из наших рядов, свою идею завещал нам. Слава его не умрет. Тело его убили, но дух его пребывает всегда с нами. Мы все видим, что есть еще порох в пороховницах, есть у нас казачья интеллигенция, способная бороться за казачье счастье, много у нас кузнецов, не выпускающих из рук молота... Принишу сердечную благодарность неутомимому Е. Якименко, а также и вам, господа, за ваше внимание.“

В заключение атаман Ив. С. Кашкадаев также благодарит Е. Якименко, н-ка инф. отд. Негреева и всех казаков, внимательно слушавших реферат о незабвенном казачьем вожде и патриоте Н. С. Рябоволе.

(Соб. кор.)

В Белой Церкви.

Куда только судьба не забросила казаков. Подчас в глухом селе, через которое случайно проходишь и никак не ожидаешь встретить кого нибудь близкого, видишь человека в одежде сербского крестьянина, но в засаленной и сильно выцветшей донской фуражке. Из разговоров с ним узнаешь, что он в этом селе уже десять лет, женился на сербке и обзавелся кое-каким хозяйством. „Только где-ж, разве у нас на Дону такое

хозяйство было? Кому-й-то оно теперь досталось? Ну, да все равно“... — Махнет станичник рукой и начинает спрашивать про жизнь казаков за границей, что из дому пишут и что вообще нового. Разговор несколько оживляется, когда находят общие знакомые, но какую радость изображает его лицо, когда он узнает, что казаки сами взялись за свои казачьи дела и объединяются под знаменем В. К. „Да ну? Наконец-то? Надо Василию сказать — может и мы чего тут организуем. И Атаман наш донской с вами? Нет? В Обще-В. Союзе?! Как мы ошибнулись, когда выбирали!“

Иногда в речи проскальзывают сербские слова и трудно бывает сразу понять, что говорит казак.

Мало ли казаков живут в разных глухих уголках мира? Мало ли из них, сохранив свою религию в полной чистоте, приняло в свой лексикон иностранные слова и выражения? Мало ли из них потеряло надежду на возвращение в родные Края?

Там же, куда проникает В. К. идея, там где казаки объединяются в дружные семьи, там родится снова надежда, крепнет вера в силы казачьи, там казаки помогают друг другу, и видна казачья идея братства, там благословляют работников на Казачество, и грознее слышатся проклятия оставившим его.

На второй день Пасхи атаман В. К. хутора имени Игнатия Некрасова в г. Белая Церковь пригласил к себе своих хуторян, чтобы вместе отметить Великий Праздник, забыть на время свою однообразно тяжелую жизнь на чужбине и мысленно перенестись в родные Края. К двум часам дня у него на квартире собрались казаки не только проживающие в городе, но приехали и из сел. Каждый вновь входивший христосовался со всеми, осведомлялся о их жизни, причем большей частью слышал такие ответы: „Спасибо, слава Богу, помаленьку“, „Да ничего, терпим“, и быстро ввязывался в общий разговор. Когда все собрались, то первым делом была выпита чаша за здоровье всех казаков, страдающих под ненавистным игом и за скорейшее их освобождение. Затем выпили за здоровье нашего вождя, за здоровье атаманов В. К. округов и вообще за всех вольных казаков, желая им полного успеха в делах. На этот раз здесь не было официальных речей; казаки просто делились мнениями и знаниями по истории Казачества и его жизни. От своего начитанного атамана и гостя студента подробнее узнали казаки о начале работы самостийников за границей, о результатах этой работы и о ее продолжении. Познакомились с различными партиями русской иммиграции, в которые, к несчастью, вошли и казаки; узнали о начале Московского государства, познакомились с характеристикой русских правителей и отношением к ним русского народа; сравнили жизнь, нравы и отношение казаков и

*Шабацкая обще-
казачья станция
[см. № 150 (13)
журнала, стр. 29].*

русских к советской власти и лишний раз убедились в том, что это два различные народа. Вспоминали хуторяне про былую жизнь на Дону, причем особенно интересны были рассказы хуторского атамана, который в прежнее время был одиннадцатилетним атаманом Т-ской станицы. „Ведь даже в мирное время в Царицын в донской фуражке показаться нельзя было — землячки камнями побьют“, рассказывал он между прочим.

Когда, как казалось, все темы были исчерпаны, решили поговорить песнями и, как и полагается, начали с Войсковых гимнов. Уж кажется хорошо пели, а седобородый старовер Бычкин все головой покачивал и, наконец заявил: „Нет, вот вы послушайте, а мы с Агаповым споем“.

— Один был юноша несчастный... — завел благообразный Бычкин с таким видом, будто молтву поет.

— Ай-да-ну ходил а-н-а да в полночь глуху-а-я — залился след за ним Агапов высоким подголоском. Как они пели! Разве опишешь! Слышать надо. „Ноты не для донских песен“, сказал как-то Бычкин. „Братцы, да вы поглядите, какая красота!“ восторгался атаман. „Так у нас в станице поют“, спокойно сказал запевала. Да, вот таких певцов послать для пропаганды казачьей песни среди иностранцев, а не тех, что ездят с „вечерним звоном“.

В перерывах между песнями вспоминали интересные случаи из прошлой жизни.

Большое впечатление произвел рассказ молодого кубанца про то, как его отца большевики убивали. Три раза его кололи штыками, и три раза он сам вынимал этот штык и, со словами „я жив еще“, отдавал убийцам, которые, наконец, застрелили героя казака.

Пелись еще песни, о многом еще поговорили казаки. Не забыли и „казачка“. Воодушевившийся атаман,

забыв про свои больные ноги, со своим приятелем стариком легко оттанцевал любимый танец.

Когда стали расходиться, один казак, приехавший из села, сказал атаману: „Вы здесь работайте, а мы, сколько можно, поддерживать вас будем“.

Довольные проведенным днем, с добрыми пожеланиями друг другу, разошлись казаки по домам.

Д. Р.

По Югославянскому ВК округу.

Милостивый Государь г-н Редактор!

Не откажите в любезности отпечатать в очередном № „Казачества“ нижеследующее:

1. После моей поездки, по приглашению казаков, в село Чуруб, там организовался ВК хутор имени Атамана Каледина. Атаманом хутора избран Кондратий Яковлевич Титов, писарем станичник Яицков. Всего в хуторе 2 украинца, 3 кубанца и 7 донцов.

Хутор зачислен в ВК Округ в Югославии под № 16.

2. Впредь до особого распоряжения станичным, хуторским и куренным атаманам предписываю:

Прекратить прием новых членов с 1-VI сего года. Одновременно закрываю прием в Округ отдельных организаций.

3. Объявляю исключенным из списков Округа казака Крагуенацкой в. к. станицы Картамышева Ивана за извращение в. к. программы, полную недисциплинированность и неуважение к институтам ВК власти. (Устав Округа, отд. III, гл. I § 6, 8; гл. II § 9; отд. IV гл. III § 34.).

Слава Казачеству!

Окружной Атаман П. Поляков.

6 мая 1934. Белград.

В К а з а к и и.

Борьба продолжается.

(По страницам „Молота“)

В Успенской.

Табор третьей бригады как-будто хорошо оборудован. По внешнему виду можно подумать, что в бригаде все благополучно. Почему же, однако, третья бригада, так же, как и весь колхоз „Донбас“, никак не справится с посевными работами? Ответ на это дает табель выхода на работу, вывешенный в культкомнате. Больше половины колхозников или вовсе не работает или появляется в поле один-два раза в неделю. Только 7 человек, обслуживающих тракторы, работают сравнительно регулярно.

Плохой выход на работу едва ли не основная при-

чина возмутительной задержки сева в колхозе „Донбас“. Бригады еще в прошлом году, отвыкшие от униженного „загадывания“, теперь снова по утрам терпеливо обивают пороги колхозников.

Такое же положение и в ряде других колхозов Успенской МТС.

Руководители МТС не замечают, что за последнее время, в связи с развертыванием сева пропашных и началом прополки колосовых, охвостье кулачества открыто ведет усиленную агитацию за невыходы на работу. Большинство колхозников находится в станице.

Открытой кулацкой пропаганде никто не дает отпора. Несмотря на ежедневный рост потребности в рабочих руках (прополка), количество работающих в колхозе „Донбас“ с каждым днем уменьшается. А предсе-

датель правления Борщев беспомощно разводит руками:

— Мы ничего не можем сделать...

Между тем, именно Борщев делает все, чтобы расчистить почву кулацкой агитации. Этот предатель колхозного дела вместе с завхозом Михачевым проводит кулацкую политику...

В Каменском районе.

Свыше 33 тысяч га, почти треть всей посевной площади, осваиваемой Каменским районом весной 1934 года, должны посеять 15 колхозов, не обслуживаемых МТС. На этом участке, где ответственность лежит на районных организациях, сев идет безобразными темпами, сроки сева колосовых (как и по всему району в целом) сорваны. Во многих колхозах тягло довели до истощения, а не редко и до гибели.

Вот колхоз „Коминтерн“, один из крупнейших колхозов, не обслуживаемых МТС. Этот колхоз имеет 4400 га задания по колосовым, но посеял к 5 мая немногим больше двух тысяч. С 1-го января 1934 года колхоз потерял 60 единиц тягла. Завхоз Попов, вместе со своим братом бригадиром расхищали фураж, торговали сеном. Шайка кулаков и белогвардейцев — белоэмигрант Орехов, кулак Ковалев, активный белобандит Криворогов и другие — сознательно довели скот до полного истощения и гибели.

Каменский районный партийный комитет долго не замечал зрительских актов классового врага. В колхозе „Коминтерн“ сидел уполномоченный от райкома, хлебный инспектор райпотребсоюза Куценко, пьяница и дезертир, которому райком слепо доверил руководство севом. Куценко свел на нет социалистическое соревнование:

— Ничего не выходит, народ тяжелый(?)! — говорил этот, с позволения сказать, организатор.

Маньково-Березовская МТС в хвосте...

Маньково-Березовская МТС не имеет тех трудностей, которые были весной 1933 г. Семена и фураж получены колхозами своевременно. Колхозники получили до 2-х килограмм на трудодень и не имеют нужды. Колхозы разукрупнены, что облегчает руководство. Увеличилась партийная организация. В каждом колхозе есть парторг, в некоторых бригадах по несколько коммунистов.

Между тем, МТС сеет хуже всех машино-тракторных станций Морозовского района, самого отстающего в Северной области. В чем же дело? Есть попытки свалить все на объективные причины; тягло, мол, плохо тянет. Но эти объяснения не выдерживают никакой критики. Безобразное отставание в севе является результатом плохого руководства. Винаваты, в первую очередь, те руководители, которые занимаются болтовней об объективных причинах и не хотят работать по-большевически.

Некоторые парторги идут на поводу у рвачей и лодырей, потеряли классовое чутье, оторвались от ударников.

В колхозе „Вперед“ из 32 волов 20 не годны к работе. Волы грязные, их сусот клеши. На совещании в полит-отделе спросили председателя колхоза Владыкина, почему лежит часть волов. Владыкин ответил:

— Я только писал бумаги... Быки меня меньше всего касались.

Вот колхоз „Политотделец“. Кулацкий сын Сергеев Ф. В. организовал вредительство — кормил лошадей протравленным зерном. Вредителей покрывали бригадир Витошнов и учетник Ткачев.

Парторгом здесь работает, присланный из области зав. кадрами обкома Мерзлякин. Оказывается, Мерзлякин, этот знававшийся „вельможа“, разлагал работу. Он категорически отказался ночевать в бригаде в поле.

— Это мне не к лицу, — заявил он.

В конце концов Мерзлякин дезертировал из колхоза.

В колхозе имени Димитрова, в бригаде № 1 небольшая кучка горлохватов сопротивляется тому, чтобы пересмотреть состав воловиков, проверить работу каждого из них, разбить быков на группы...

Базковские коммунисты отсиживают в станице.

В Вешенском районе, в базковском сельсовете в поле работают только 3 коммуниста, а остальные сидят дома (а всех коммунистов 12 человек). Председатель сельпо Жуков разгуливает по станице. То вы его увидите в сельсовете, то в конторе „Заготзерно“, где тоже коммунисты сидят в кабинетах. Председатель сельсовета заявляет, что Жуков и другие коммунисты сильно „перегружены“ работой.

Никакой мобилизации на завершение сева не чувствуется. В воскресенье устраиваются выходные дни, колхозники возвращаются с полей в станицу.

В Мечетке кулацкое отношение к кроликам.

Мечетинское райзо и руководители МТС недооценивают развитие кролиководства. В районе имеется большое производственное стадо около 6 тысяч голов. Но молодняка мартовского окота получено только 2,300 голов. Случайная кампания идет плохо, случено не более десяти процентов маток. На многих фермах нет кормов, и в результате плохого кормления пало 32 процента племенных производителей.

В Мечетинской МТС, помощник начальника политотдела тов. Беликов доказывал, что кролиководство не рентабельно. Свои выводы он основывал на том, что в МТС пало и расхищено 4,775 кроликов. Но ведь в этом не кролики виноваты! Вот, например, колхоз „Красный показатель“ — из-за варварского отношения здесь погибло 1,071 кролик и живыми осталось только 14. И эти тоже наверно скоро пропадут, т. к. их никто не кормит.

В Кагальницкой МТС директор заявляет, что ему некогда заниматься „мелкими вопросами“. Здесь в колхозе им. Середы на крупную ферму отпущено для кормления 30 килограммов концентратов. Чтобы кролики не подохи, зав. фермой Певшев воровал корма с колхозного двора для кроликов. Конечно, при таком отношении кролики будут „не рентабельны“, и фермы никогда не укрепятся.

Даже районная газета „Колхозная трибуна“ и та плохо занимается кролиководством.

Неблагополучно с севом.

(Из „постановления“ от 24 апреля).

„Указать Северному обкому и особенно Обливскому, Морозовскому, Каменскому, Кашарскому и Вешенскому райкомам на крайне неудовлетворительный ход сева как по срокам, так и по качеству.

Северный обком не обеспечил проверки выполнения директив Крайкома в части организации сева (расстановка актива, полевые станы, организация полевого ремонта тракторов, уход за тягло и т. д.), недостаточно оперативно руководил ходом сева; райкомы положились на самотек и не дали отпора кулацким настроениям о невозможности сеять, в яковы, сырую холодную землю, чем крайне затянули разворот сева, не подготовили волов к севу и часть из них оказалась неработоспособной.

Признать также крайне неудовлетворительной работу по севу в Константиновском и Цымлянском районах. Секретарь Константиновского РК тов. Шубин своим благодушием и безрукостью довел дело до того, что район едва не остался без семян, тягло также оказалось не подготовлено к севу...

Неблагополучно с таборами.

(Из передовой от 27 апреля).

„Неблагополучие с таборами — один из самых серьезных выводов, который надо сделать в связи с проходившим в крае рейдом проверки выполнения норм и агроправил. Это особенно относится к Северной области. Волошинская МТС до сих пор не считалась худшей. Но даже в этой МТС, как говорят итоги рейда, бригады, за малым исключением, таборов не имеют. Колхозники не ночуют в поле. Отсюда постоянное опаздывание на работу. Работы не начинаются, пока не соберутся все колхозники. Можно-ли при таких условиях рассчитывать, что производительность колхозного труда будет расти и планы успешно выполняться?..“

Продолжается подписка на 1934 год
на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0.20 долл.

За перемену адреса следует присылать: в Ч.С.Р. 1 корунову знамку, из-за границы
1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: „Volné Kozáctvo“, Hradecká 2207,
Praha-Vinohrady, Tchécoslovaquie.